

Т. С. Тихомирова
ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

Польский язык является языком поляков, получивших свое имя по историческому племени полян, живших в бассейне среднего течения рек Нотец и Варта. Впервые этот этноним упоминается в латинском житии св. Войтеха (997–1002) в связи с государством полян, правитель которого Болеслав Храбрый именуется там *rex Polaniorum*. Впоследствии это наименование было перенесено на всю позднейшую польскую территорию.

1.1.1. Польский язык (П.я.). Вариантов названия нет; польск. *język polski, polszczyzna*, англ. *Polish*, нем. *Polnische*, фр. *le polonais*.

1.1.2. П.я. принадлежит к лехитским языкам, входящим в состав западной группы славянских языков.

1.1.3. Современный ареал П.я. охватывает всю территорию Республики Польша и в целом совпадает с бассейном Вислы и правых притоков Одера на Польской низменности. С севера естественной границей распространения П.я. является Балтийское море, на юге — северные отроги Судет и Карпат.

Согласно переписи 2002 г., в Польше на П.я. дома говорят 37 389 тыс. чел., или 97,8% населения. Для 841 тыс. чел. он является вторым языком. В той или иной степени П.я. используется в польской диаспоре (так называемой Полонии) в среде лиц польского происхождения, оказавшихся вне Польши в результате эмиграции, переселения, изменений государственных границ (указана численность обычно говорящих дома по-польски): в Литве (235 тыс. чел., 2001), Белоруссии (18 тыс. чел., 1999), России (94 тыс. чел., 2002), Казахстане (47 тыс. чел., 1999), Украине (19 тыс. чел., 2001), Латвии (12 тыс. чел., 2000), ряде европейских стран — Чехии (52 тыс. чел., 2001), Словакии, Германии (300 тыс. поляков, 2002), Великобритании, Франции, в странах Америки — США (667 тыс. чел., 2000), Канаде (164 тыс. чел., 2001), Бразилии и др., в Австралии. Число носителей П.я., живущих вне Польши, по разным данным, превышает 1,7 млн. чел.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. На территории Польши наряду со стандартным литературным языком функционирует несколько диалектных разновидностей П.я., восходящих к диалектам племенных объединений, а позже — племенных образований периода становления польского государства. Обычно выделяют: великопольские диалекты (Великопольша), малопольские диалекты (Малопольша), мазовецкие диалекты (Мазовше), силезские диалекты (Силезия).

Вопрос о статусе пятой — кашубской — области остается в значительной мере дискуссионным. С генетической точки зрения кашубский представляет собой один из самостоятельных лехитских языков с весьма значительными и яркими чертами отличия, но вместе с тем историческая конвергенция кашубских говоров

с П.я. позволяет рассматривать их также в составе польских диалектов (см. статью «Кашубский язык» в наст. издании).

Как самостоятельные диалектные зоны иногда выделяют так называемый периферийный, или окраинный («крэсовы»), диалект, новые говоры без «мазурения» и некоторые другие.

После Второй мировой войны на воссоединенных с Польшей исконно польских западных, северных и северо-восточных землях в среде польских репатриантов и переселившихся сюда носителей разных диалектов сложились условия для межъязыковой интеграции. В результате этих процессов начали формироваться так называемые смешанные говоры, которые в настоящее время активно вытесняются так называемой общепольской нормой.

Польские говоры за пределами Польши являются, как правило, продолжением приграничных говоров, расположенных на польской стороне: например, в Чехии (Моравии) — переходные польско-чешские говоры Чешинской/Тешинской Силезии (Заолзье) района Яблонкова, в Словакии — говоры районов Спиша и Оравы. Они находятся под сильным влиянием соответственно чешского и словацкого языков. Большое или меньшее число островных польских говоров сохраняется в Литве, Белоруссии (район Налибокской Пущи, Барановичей, Гродно), отчасти на Украине, а также в Молдавии, Румынии, Венгрии, Турции.

На территории других стран П.я. распространен также среди выходцев из Польши и их потомков (в качестве родного или второго языка в литературной или диалектной форме). В наиболее крупных зарубежных польских сообществах под воздействием господствующих местных языков формируются особые разновидности П.я.: таков, например, язык североамериканской Полонии или так называемый бразильский польский.

В основе дифференциации вышеназванных групп польских диалектов лежат прежде всего фонетические различия. К важнейшим диалектным изофонам относятся:

1) так называемое «мазурение» (Малопольша, Силезия, Мазовше) — замена ряда отвердевших шипящих *ś, ź, ć* рядом твердых свистящих *s, z, c* при различии этих рядов в великопольских диалектах и в литературном языке (время возникновения — предположительно XIII–XIV вв.); возможны и другие типы смешения рядов шипящих и свистящих: в частности, совпадение старого ряда *ś, ź, ć* и нового *ś, ź, ć* в *ś, ź, ć* («яблонкование», или «сякание») и совпадение *ś, ź, ć* с *s, z, c* («кашубение»);

2) характер ассимиляции согласных по глухости/звонкости на стыке слов, а именно сохранение конечных звонких и озвончение глухих согласных перед сонорными и гласными (так называемый озвончающий вариант сандхи: *bra[d] matki* ‘брат матери’, *bra[d] ojca* ‘брат отца’ — Великопольша, Малопольша, Силезия) либо сохранение глухих и оглушение звонких в этой позиции (оглушающий вариант сандхи: *bra[t] matki, bra[t] ojca, chle[p] razowy* ‘ржаной хлеб’ и т. п. — Мазовше);

3) результаты изменения бывших долгих гласных $\bar{a} > \acute{a}/o$ и др. (устраиваются в Мазовше), $\bar{o} > \acute{o}/\acute{u}$ и др. (в Мазовше и Малопольше по говорам — совпадение с *u*), $\bar{e} > \acute{e}$ (за исключением Мазовше, во всех диалектных зонах по говорам — переход в *u* или *y/i* в зависимости от твердости/мягкости предшествующего согласного);

4) развитие носовых гласных (см. 2.7.0.).

Морфологические изоглоссы отличаются достаточной разрозненностью и не образуют резких границ. К наиболее ярким диалектным чертам относятся: отсутствие оппозиции лично-мужских и нелично-мужских форм в имени и глаголе, устранение беглого гласного во всей парадигме существительных с суффиксами, восходящими к *-ьк, *-ьс (*domk* 'домик', лит. *domek*, им. п. мн. ч. *domki*; *kupc* 'купец', лит. *kupiec*, им. п. мн. ч. *kupcy*), особые окончания некоторых падежных форм существительных мягкой разновидности (дат. п. ед. ч. м. р. *-ewi*, род. п. ед. ч. ж. р. *-e*), отдельные личные окончания глаголов (1 л. ед. ч. прош. вр. *-ch/-k*: *bylech/bylek* '(я) был', лит. *bylem*; 1 л. мн. ч. наст. вр. *-m*, *-ma*, *-va*, 2 л. мн. ч. наст. вр. *-ta* и др., см. 2.7.0.).

Большинство черт, характеризующих указанные группы польских диалектов, сформировалось относительно поздно, поскольку основные фонетические процессы дописьменной и раннеписьменной эпохи были осуществлены на польской языковой территории единообразно. Известны лишь отдельные изофоны, восходящие к праславянским процессам, по результатам которых северные области польской языковой территории (в первую очередь исторически своеобразный кашубский ареал, но также Мазовше) противопоставляется южным областям (часть Великопольши, Малопольша, Силезия): в частности, сохранение мягкости любых или только губных согласных перед подвергавшимися лехитской регласовке сонантами **g' > ɣ* и **l' > l̥* (ср. мазовецкие примеры *śarna*, лит. *sarna* 'серна'; *v'oučna*, лит. *welna* 'шерсть', *l*-причастие м. р. *m'ou*, лит. *mell* 'молот'; кашубские соответствия см. в статье «Кашубский язык» в наст. издании). В диалектах сохраняется ряд архаических черт, исчезнувших из литературного языка: свободное или инициальное ударение, фонетическая и фонологическая самостоятельность рефлексов бывших долгих гласных, реликты двойственного числа, притяжательные прилагательные, отсутствие согласовательной категории мужского лица и т. д.

Из наддиалектных устных форм существования П.я. можно отметить наиболее изученный городской жаргон Варшавы и отличающуюся заметным своеобразием городскую речь Силезии.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. П.я. является официальным государственным языком Республики Польша и с 2004 г. одним из официальных языков Европейского Союза.

За пределами Польши функции П.я. ограничены: он используется носителями в основном в семейном общении, а также в культурной деятельности, отчасти — в просвещении. В районах со значительной прослойкой польскоязычного населения (в США, Канаде, Литве) на П.я. с разной степенью регулярности издаются газеты и журналы, ведутся радио- и телепередачи.

1.3.2. По мнению большинства исследователей, П.я. приобрел литературно-языковой статус в XV–XVI вв. С этого времени им оказываются охвачены все важнейшие сферы функционирования, присущие литературному языку: государственное судопроизводство, оригинальное художественное творчество (проза и поэзия), политическая, религиозная, философская публицистика. Тогда же П.я. начинает проникать в школу как вспомогательный язык при обучении древним языкам. В этих функциональных сферах П.я. пришел на смену латин-

скому языку, употреблявшемуся в Польше в качестве культурно-письменного языка до XVI, а в некоторых областях (юриспруденция, наука) — до XVIII в. Становление литературного П.я. было результатом последовательной деятельности польских писателей, публицистов, печатников, проповедников XV–XVI вв., направленной на внедрение П.я. во все сферы общественной и культурной жизни и на выработку его основополагающих фонетических, грамматических и лексических норм.

В польской лингвистике в течение многих десятилетий вызывал острые дискуссии вопрос о диалектной основе литературного П.я. Странники «великопольской» теории (А. Калина, К. Нич, Т. Лер-Сплавинский, М. Рудницкий, С. Урбанчик, С. Роспонд и др.) связывали возникновение литературного П.я. с великопольскими диалектами и возводили его к X–XI вв. (ранний период существования польского государства со столицей в г. Гнезно). Странники «малопольской» теории (А. Брюкнер, С. Шобер, В. Ташицкий, Т. Милевский, А. М. Селищев и др.) относили появление литературного языка к более позднему этапу, границы которого в трактовке разных ученых колеблются в диапазоне от XIII до XVI в. (период консолидации польских земель вокруг укрепляющегося государства со столицей в Кракове). В настоящее время наиболее распространенным является мнение о последовательном вхождении формирующегося литературного языка и его норм в сферу воздействия разных диалектов (З. Штибер, З. Клеменевич и др.): первоначально великопольских, затем малопольских, а в конце XVI в. и мазовецких (после перемещения государственного и общественно-политического центра страны на территорию бывшего мазовецкого княжества со столицей в Варшаве). В отдельные периоды литературный П.я. испытывал на себе также влияние речи выходцев из других диалектных зон, в частности, с юго-восточной и северо-восточной окраин.

Первые дошедшие до нас записи польских слов (преимущественно географические названия, личные имена, названия поборов и повинностей) содержатся в латинских документах XII в. В наибольшем объеме (около 410 слов) они представлены в Гнезненской булле 1136 г. Этим годом принято датировать начало письменного периода П.я. Древнейшим сохранившимся памятником П.я. являются Свентокшиские проповеди (рукопись середины — второй половины XIV в., хотя архаичность языка позволяет считать ее списком более древнего текста XIII — начала XIV в.). К наиболее значительным древнепольским памятникам относятся также: Флорианская Псалтирь (конец XIV — начало XV в.), Гнезненские проповеди (начало XV в.), Пулавская Псалтирь (конец XV — начало XVI в.) и Библия королевы Зофьи, или Шарошпатацкая Библия (1455 г.). Самый ранний светский памятник — переведенный с латыни Кодекс Свентослава (список середины — второй половины XV в.). С конца XV — начала XVI в. польская письменность представлена большим числом рукописных произведений религиозной, художественной, политической, публицистической и прочей литературы, а со второго десятилетия XVI в. — и печатными изданиями.

Литературный П.я. имеет длительную историю кодификации. Первые свидетельства сознательного отношения к использованию П.я. восходят к XV–XVI вв. и связаны с попытками установления орфографических норм, точнее — правил передачи польских звуков латинскими буквами (латинский «Трактат об орфо-

графии польской» Якуба Паркошовица, 1440 г.). К XVI в. относятся первые опыты создания словарей, польско-иноязычных и иноязычно-польских, прежде всего латинско-польских (словарь Станислава Мурмелиуша «*Dictionarius... variarum rerum... cum Germanica atque Polonica interpretatione*», 1526; словарь Яна Мончиньского «*Lexicon Latino-Polonicum*», 1565), а также предназначенных для иностранцев грамматик П.я. (на латинском языке). Наиболее известна грамматика Петра Статориуса-Стоеньского «*Polonicae grammatices institutio*» (1568). Со второй половины XVIII в. появляются польские грамматики на П.я.; наиболее популярна была грамматика Онуфрия Копчиньского «*Gramatyka dla szkół narodowych*» (1778 и переиздания 1780, 1781). Кодификаторская деятельность в современном понимании началась в конце XIX в., причем с нарождающейся наукой о П.я. нередко, особенно на начальном этапе, тесно сопрягалась — а иногда и подменяла ее — забота о культуре речи. В настоящее время литературный П.я. представляет высокую степень стандартизации, что выражается в наличии строго упорядоченных орфоэпических, грамматических, лексических, стилистических и других правил и норм, закрепленных в многочисленных нормативных словарях, в сильной нормализаторской направленности школьного преподавания, в пристальном общественном внимании к культуре речи (теле- и радиопередачи о речевой правильности, специальные рубрики в периодической печати, деятельность обществ культуры речи).

1.3.3. На территории Польши современный литературный стандартный П.я. обладает полным учебно-педагогическим статусом (начальная, средняя, высшая школа).

В качестве самостоятельной учебной дисциплины П.я. был введен в школьные программы еще в XVIII в.

За пределами Польши уровень преподавания П.я. среди польскоязычного населения различен. На территориях с компактным польским населением (Литва, Белоруссия, Чехия, Словакия, США и др.) работают школы разного уровня или же классы с преподаванием на П.я.; в некоторых странах (Россия, Казахстан, Франция, Германия и др.) преподавание П.я. ведется в вечерних и воскресных школах, в том числе при костелах.

1.4.0. Графика современного литературного П.я. основана на латинице, приспособленной для нужд польской фонетики. Используются диакритические знаки: буквы *a, e* обозначают так называемые носовые гласные, см. 2.1.1.; буква *z* — твердую шипящую /ʒ/; буквы *ć, ś, ź* — мягкие среднеязычные шипящие, соответственно аффрикату /ć/ и фрикативные /ś/, /ź/; буква *ń* — мягкую /ɲ/; буква *ó*, как и *u*, — гласную /u/; буква *ł* — скользящую /ɥ/; существуют также многочисленные диграфы: *cz, sz, rz, dź* обозначают соответственно твердые шипящие /č/, /š/, /ž/, /ʒ/; *dź* — мягкую шипящую /ʒ/; *ch* — глухую фрикативную /x/. Сочетаниями различных букв с буквой *i* в позиции перед гласной обозначается мягкость согласных (*nie* [n'e] 'нет' и т. п.).

Польская графика на латинской основе прошла несколько этапов развития, в ходе которого она претерпевала существенные изменения. Современная графическая система в целом установилась в начале XIX в., последняя значительная реформа орфографии была предпринята в 1956 г., отдельные орфографические инновации введены в 1999 г.

1.5.0. В истории П.я. выделяются периоды:

- 1) дописьменный — до середины XII в.;
- 2) древнепольский (старопольский) — с середины XII до конца XV — начала XVI в.;
- 3) среднепольский — с начала XVI до середины или третьей четверти XVIII в. Среднепольский период иногда разделяют на два подпериода: до середины XVII в. и позже, до конца XVIII в.;
- 4) новопольский — со второй половины XVIII в. до наших дней.

Дописьменный период начинается со времени после распада праславянской языковой общности и условно заканчивается временем появления первых из дошедших до нас достаточно репрезентативных записей польской речи (булла 1136 г.). В этот период в П.я. осуществился ряд общеславянских и собственно польских изменений, которые отражены в польской письменности уже после их завершения, в частности:

1) так называемая лехитская перегласовка — «диспалатализация» гласных переднего ряда **ě* («ять»), **e*, **ę* и слогаобразующих сонантов **ɨ*, **ɨ'* перед твердыми переднеязычными согласными с изменением их соответственно в *a*, *o*, *ɔ*, *ɨ*, *ɨ'* (при совпадении *ě* с *e* в других позициях): **lěto* > *lato* 'лето', **żena* > *żona* 'жена'; перегласовку **ę* > *ɔ* документируют написания типа *Boranta* в булле 1136 г. (ср. др.-рус. имя **Боранта**);

2) изменения слогаобразующих плавных сонантов **ɨ*, **ɨ'* (после губных согласных) в *ir*('), *il*', **ɨ* в *ar* и **ɨ* в сочетании с гласными *e/o/u* перед твердым *l* или *u* после такого *l* в зависимости от окружения: **tvɨ'dь* > *tvɨ'dь* (вследствие перегласовки) > польск. *twardy* 'твёрдый' (но без перегласовки *twierdzić* 'твердить' из др.-польск. *twirdzić*); **mɨ'čati* > польск. *milczeć* 'молчать', **mɨ'viti* > польск. *mówić* 'говорить' (из др.-польск. *mołwić*, ср. рус. *молвить*);

3) так называемая контракция — выпадение интервокального *j* и стяжение двух соседних гласных в один долгий в формах существительных и прилагательных: **obličьje* > польск. *oblicze* 'обличье', **grěšьnoje* (местоименная форма им. и вин. п. ед. ч. ср. р. прилагательного) > польск. *grzeszne* 'грешное' (ср. др.-польск. написание *grzesznee*);

4) утрата редуцированных *ъ* и *ь* в слабой позиции и переход сильных *ъ* и *ь* в *e*, ср. в булле 1136 г. *Quatec* (= *kv'atek* < **květъkъ*, ср. рус. *цвѣток*), а также польск. *len* 'лѣн' (< **lъnъ*), *pies* 'пѣс' (< **pъsъ*) и т. п.;

5) заместительное продление гласных в результате утраты слабых редуцированных (например, **vozъ* > *vōz*, ср. др.-польск. написание *wooz*, в современном П.я. *wóz* 'воз') и другие процессы.

Поскольку связные польские тексты до XIV в. неизвестны, хронологические границы многих грамматических явлений дописьменной поры не прослеживаются. Наиболее значительными морфологическими изменениями, происшедшими в это время, следует считать начало процесса перестройки именного склонения по родовому признаку и утрату простых форм прошедших времен (в польских памятниках зафиксировано лишь 26 форм предполагаемого имперфекта и аориста).

Язык древнепольского периода отражают отдельные слова и фразы в латинских текстах XII–XIII вв., а со второй половины XIV в. уже и собственно польскоязычные памятники. К этому времени относятся также первые свидетельства

формирования наддиалектных норм литературного языка, зачатков стилистической дифференциации языковых средств. Для древнепольского периода характерно:

1) наличие оппозиции кратких и долгих гласных, которая в результате сокращения долгих и изменения их тембра к концу периода, во второй половине XV в., превращается в оппозицию качественно разных фонем: происходит изменение бывших долгих гласных в так называемые «суженные», или «склоненные» (польск. *ścieśnione, pochylone*) \acute{e} (e^i), \acute{o} (o^u), \acute{a} ;

2) совпадение общеславянских носовых $*\epsilon$ и $*\varrho$ в одном гласном типа q^o или q^e (по диалектным зонам), который в памятниках XIV — первой половины XV в. передавался специальным знаком ϕ (наряду с другими способами), и дальнейшее развитие этого гласного в зависимости от его длительности; в литературном П.я. краткие носовые давали рефлекс ϵ , а долгие после сокращения — ϱ (современное их обозначение графемами ϵ , q восходит к практике краковских первопечатников начала XVI в.);

3) развитие в части диалектов и литературном языке так называемого «расщепленного» произношения носовых гласных перед смычными согласными (см. 2.1.1.);

4) изменение палатализованных переднеязычных согласных s' , z' , t' , d' в среднеязычные палатальные шипящие, а также развитие шипящего призвука у $r' > \check{r}'$;

5) установление вместо свободного подвижного ударения, сохранившегося в севернокашубской диалектной области, фиксированного ударения: первоначально, по-видимому, инициального, какое также сохраняется по крайним говорам (южнокашубская область, Подгалье на юге Малопольши), позднее — парокситонического.

В целом главной тенденцией в истории звукового строя П.я. этого периода было упрощение системы вокализма с постепенным подчинением ее все усложняющейся системе консонантизма.

В области морфологии отмечается:

1) дальнейшее формирование новой, построенной по родовому признаку системы склонения существительных: мужского типа (с бывшими основами на $-o$, $-j\check{o}$, $-i$), женского типа (с бывшими основами на $-a$, $-j\check{a}$, $-i$), среднего типа (с бывшими основами на $-o$, $-j\check{o}$ и на согласный);

2) постепенное вытеснение кратких именных форм прилагательных и причастий полными (местоименными);

3) развитие из форм перфекта новых форм прошедшего времени типа *wyszedł jeść* $>$ *wyszedłem* 'я вышел', *przyszli jeść* $>$ *przyszliśmy* 'мы пришли'.

Границу между древнепольским и среднепольским периодами определяют как значительные грамматико-структурные преобразования П.я., так и коренные перемены в характере его функционирования, начавшиеся в эпоху Возрождения: развитие книгопечатания, проникновение П.я. вместо латинского во все сферы письменного-литературного использования, становление разнообразной по стилям и жанрам оригинальной польской письменности.

В среднепольский период в литературном П.я. окончательно устанавливается парокситоническое ударение; «суженные» гласные постепенно совпадают с «чистыми»: $\acute{a} > a$, $\acute{e} > e$, $\acute{o} > u$ (по диалектам иначе, см. 1.2.1., 2.7.0.); в XVI в. происходит отверждение ранее мягких свистящих c' , z' , шипящих \check{s}' , \check{z}' , \check{c}' , \check{z}' и

дрожаще-шипящего согласного \check{r} , который затем утрачивает дрожащий компонент, совпадая с \check{z}/\check{s} ; в XVII в. начинается отвердение губных согласных в конце слова, а также изменение твердого l в губно-губной μ .

В морфологии имени в этот период продолжалось развитие общеславянской категории одушевленности/неодушевленности и происходило формирование польской категории мужского лица (XVII–XVIII вв.); в системе имени и глагола была утрачена категория двойственного числа. В парадигме существительных в результате перераспределения и закрепления падежных окончаний за определенными типами склонения сложилось состояние, близкое к современному. В сфере глагола установилась современная система форм времен и наклонений: в частности, утвердилось нулевое окончание в базовой форме 2-го лица единственного числа повелительного наклонения, личные показатели форм сослагательного наклонения преобразовались по типу форм прошедшего времени изъявительного наклонения (*bych* > *bym* 'я бы', *bychom/bychmy* > *byśmy* 'мы бы', *bychą* > *by* 'они бы'). Произошла формальная и функциональная дифференциация склоняющихся причастных и утративших склонение деепричастных форм действительного залога.

Новопольский период условно начинается с середины — третьей четверти XVIII в., что определяется не столько внутривидовыми инновациями, сколько изменениями в языковой ситуации (утрата Польшей в результате разделов конца XVIII в. политической и национальной независимости и значительное ограничение функциональных сфер П.я.). В пределах этого периода, также в силу внеязыковых факторов, иногда выделяются этапы: 1) середина и вторая половина XVIII в. — 1918 г.; 2) 1918–1945 гг. (время восстановления польской государственности и военный период); 3) с 1945 г. до наших дней. Структурные изменения этого периода лежат в русле наметившихся ранее тенденций обновления и обогащения грамматической и лексической систем языка и не отмечены резкими скачками. В целом новопольский период истории литературного языка характеризуется стремлением к унификации, устранению имеющихся вариантов и дублетов в норме и узусе.

1.6.0. Длительное взаимодействие П.я. в сфере письменности с латинским языком нашло отражение в лексических заимствованиях (см. 2.6.0.), в макароническом стиле литературного языка XVII — начала XVIII в., а также в отдельных структурных явлениях, в целом, однако, неустойчивых. Таково, например, окончание *-a* в именительном и винительном падеже множественного числа типа *instrumenta* 'инструменты', *dokumenta* 'документы', свойственное заимствованным существительным мужского рода латинского происхождения с XV до начала XX в. и ныне практически вытесненное регулярным окончанием *-y*. На ранних этапах развития литературного языка отмечалось влияние латинского синтаксиса (использование конструкции *accusativus cum infinitivo*, впоследствии вышедшей из употребления, широкое применение причастных и деепричастных конструкций и др.).

Своеобразным было воздействие чешского языка (XIV–XVI вв.), который служил не только посредником при заимствовании латинских и немецких слов (см. 2.6.0.), образцом калькирования, в том числе и синтаксического, но и этало-

ном кодификации. При конкуренции диалектных вариантов признание в литературной норме получал тот, который совпадал с состоянием в чешском языке.

К заимствованным вместе с лексикой структурным явлениям следует отнести интернациональные суффиксы *-acja*, *-ator*, *-izm* и т. п., префиксы *anty-*, *arcy-*, *eks-* и т. п. Наличие заимствованных слов создало в системе словоизменения уникальные подгруппы несклоняемых существительных (*foyer* 'фойе', *jury* 'жюри', *video* 'видео' и др.) и прилагательных (*khaki* 'хаки', *mini* 'мини').

Структурное воздействие иноязычных элементов сказывается также в фонетической — и фонологической — системе литературного П.я. Фонетически не полностью освоенные заимствованные слова образуют особую подсистему, для которой характерны как наличие звуков, отсутствующих в исконно польских словах (мягкие переднеязычные [s'], [z'], [t'], [d'], [r³]: *sinus* 'синус', *diuna* 'дюна' и т. п., носовые гласные типа [a], [i]: *szansa* [šąsa] 'шанс', *inżynier* [ižyn'er] 'инженер' и т. п., дифтонги [aɥ], [eɥ]: *auto* 'автомобиль', *Europa* 'Европа' и т. п.), так и специфическая дистрибуция собственно польских звуков (сочетания твердых заднеязычных с гласными переднего ряда: *kefir* 'кефир', *gejsza* 'гейша' и т. д., сочетания мягких заднеязычных с гласными непереднего ряда: *giaur* 'гяур' и т. д.).

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. Фонемный состав.

Г л а с н ы е

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
	Нелабиализованные		Лабиализованные
Верхний	i (y)		u
Средний	e		o
Нижний		a	

Проблема признания оппозиции назальных/неназальных гласных фонологической и соответственно звуков [ɔ] и [ɛ] самостоятельными фонемами является дискуссионной. Неоднотипность фонологической трактовки носовых гласных, обозначаемых буквами *a* и *e*, объективно связана не только с прогрессирующими артикуляционными изменениями и ограничением дистрибуции этих гласных (см. 2.1.3.), с возможностью реализации в заимствованных корнях назальных вариантов всех гласных, но и с несовместимостью применяемых разными исследователями фонологических теорий. Наибольшее распространение в последнее время получила трактовка всех назальных гласных в морфемах любого происхождения как позиционных вариантов (аллофонов) двуфонемных сочетаний «чистый гласный + носовой согласный». В этом случае назальность гласных (в отличие от согласных) оценивается только как позиционно обусловленный признак.

Отсутствует также единая общепризнанная трактовка *i* и *y*: их рассматривают либо как аллофоны одной фонемы /i/, либо как самостоятельные фонемы.

С о г л а с н ы е

По способу образования			По месту образования					
			Губные		Переднеязычные		Среднеязычные	Заднеязычные
			Губно-губные	Губно-зубные	Зубные	Альвеолярные		
Шумные	Взрывные	Гл.	p p'		t (t')		k k'	
		Зв.	b b'		d (d')		g g'	
	Аффрикаты	Гл.			c	č	ć	
		Зв.			ʒ	ž	ǰ	
	Фрикативные	Гл.		f f'	s (s')	š	ś	x x'
		Зв.		v v'	z (z')	ž	ź	
Сонорные	Носовые		m m'		n	n'		
	Боковые				l (l')			
	Дрожащие				r (r')			
	Скользящие		ɹ			ɻ		

Основной оппозицией в консонантизме является оппозиция сонорных и шумных согласных; шумные обладают последовательной корреляцией по глухости/звонкости, которая реализуется в парах с разной степенью функциональной нагруженности (за исключением глухой /x/).

Мягкие губные [m'], [p'], [b'], [v'], [f'], а также мягкие заднеязычные [k'], [g'], [x'] трактуются иногда как аллофоны соответствующих твердых согласных.

Палатализованный согласный [l'] является позиционным вариантом /l/ (перед гласным [i]).

Смягченные [t'], [d'], [s'], [z'], [r'] выступают только в заимствованных словах.

Согласные [ŋ] и [ŋ'] выступают в качестве позиционных вариантов носового /n/ перед заднеязычными.

2.1.2. Ударение в П.я. носит динамический характер. Словесное ударение — фиксированное парокситоническое (т. е. падающее на предпоследний слог в слове: *'galaż* 'ветка' — *ga'lazka* 'веточка' — *rozgałe'ziony* 'разветвлённый'); оно свойственно преимущественно полнозначным словам, к которым могут примыкать безударные проклитики (отрицательная частица, предлоги) или энклитики (краткие формы местоимений, возвратная частица *się*, другие частицы и «подвижные» личные окончания). В многосложных словах появляется второстепенное инициальное ударение, особенно сильное в некоторых стилях речи (ораторская речь, при эмпазе). Парокситоническое ударение традиционно не охватывало некоторые грамматические формы (множественного числа прошедшего времени, сослагательного наклонения: *'byliśmy*/'*byłyśmy* 'мы были', *'bylibyśmy*/'*byłybyśmy* 'мы были бы') и отдельные слова, преимущественно заимствованные (*mate'matyka* 'математика'). В настоящее время наблюдается сильная тенденция (особенно в речи молодого поколения) к распространению парокситонического ударения на все типы форм и слов (что пока не допускается литературной нормой).

Ударение в П.я. не имеет фонологического или грамматического характера, но по отношению к полнозначным единицам выполняет определенную делимитационную функцию, впрочем, ограниченную наличием односложных слов, проклитик и энклитик, инициального ударения в многосложных словах.

2.1.3. Реализация гласных фонем не зависит от их ударности/безударности; количественная редукция неударных гласных незначительна, качественная редукция отсутствует. При соседстве с палатальными согласными наблюдается регулярное передвижение гласных в более переднюю зону образования.

Большей зависимостью от фонетических условий отличаются носовые гласные [ɔ] и [ɛ]. Как таковые они реализуются только внутри слова перед фрикативными согласными (в аналогичных условиях реализуются также и носовые [i̯], [y̯], [ɥ], [ɔ̯] в заимствованных словах) и в конце слова. В обиходно-разговорной речи отмечается сильная тенденция к ослаблению назализации [ɔ] и к полной ее утрате для гласного [ɛ] > [e] в позиции конца слова. В прочих позициях рефлекс исторических носовых гласных *ɔ̯ и *ɛ̯ произносятся либо как чистые [o] и [e] (в позиции перед /l/, /ɥ/), либо — перед смычным согласным — как сочетания чистого гласного и носового согласного, совпадающего по месту образования с последующим взрывным («расщепленное» произношение).

Для сочетаний согласных, парных по глухости/звонкости, характерна регрессивная ассимиляция по этому признаку (*główka* [gɔufka] ‘головка’, но *głowa* [gɔwa] ‘голова’). В сочетаниях глухих с последующими звонкими /v/ и /ʒ/ наблюдается прогрессивная ассимиляция по глухости (*świat* [śf’at] ‘мир’, ‘свет’, *twoja* [tfoja] ‘твоя’, *przód* [pʂut] ‘перед’). В конце слова перед паузой оглушаются звонкие парные согласные, а после глухого (как и между глухими в середине слова) — также сонорные /m/, /n/, /r/, /l/. Особый тип сочетаемости глухих и звонких согласных на стыке слов представлен, в том числе в литературной речи, в южной и западной части Польши: озвончение конечного глухого согласного перед последующим начальным сонорным и гласным — так называемый озвончающий вариант сандхи (*brat ojca* [brad_ojca] ‘брат отца’). На остальной территории действуют закономерности середины слова — оглушающий вариант (см. 1.2.1., 2.7.0.).

Мягкие губные и заднеязычные согласные не выступают в позиции конца слова и перед согласными (*siedmiu* ‘семи’, но *siedem* ‘семь’). Фрикативные /s/, /z/ могут подвергаться регрессивной ассимиляции по мягкости (*spać* ‘спать’, но *śpię* ‘я сплю’).

2.1.4. Преобладающая структура слога — согласный (или их сочетание) и гласный, т. е. распространены прикрито-открытые слоги CV, CCV, реже — прикрито-закрытые слоги CVC, возможны также другие типы. В начале слога допустимы как одиночные согласные (любые), так и сочетания согласных — от двух до четырех в начале слова (*źdźbło* [ʒʒbɔ] ‘стебель’); в середине и в конце слова бывает — в единичных случаях — до пяти согласных (*przestępstwo* ‘преступление’, род. п. мн. ч. *przestępstw* [pʂestempstfo], [pʂestempstf]). Основные типы последовательностей согласных в слове: взрывной + фрикативный, взрывной + взрывной, фрикативный + взрывной + сонорный.

Слогообразующая функция присуща только гласным; в заимствованных словах встречаются и дифтонги. Сочетание двух гласных на стыке слогов в исконной лексике возможно лишь на стыке морфем: двух префиксов (*uodpornić*

‘закалить’, *położyć* ‘уложить, положить’) или префикса и корня (*poobiedni* ‘послеобеденный’).

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. П.я. относится к языкам фузионным, внутри морфем и на их стыке при словообразовании и словоизменении выступают с различной, нередко абсолютной регулярностью чередования гласных и согласных, сопровождающие аффиксацию (см. 2.2.3.). Основные фонологические типы корней — CVC(VC): *dom-* ‘дом’, *lotr-* ‘подлец, негодяй’, *kapust-* ‘капуста’; флексий — V(C(V)): *syn-a* ‘сына’, *kobiet-om* ‘женщинам’, *dobr-ymi* ‘хорошими’; словообразовательных суффиксов — ((C)V)C: *dom-k-* ‘домик’, *pań-stw-* ‘государство’, *śpiew-ak-* ‘певец’, *wilg-oć-* ‘влажность’.

2.2.2. Морфемы частично разграничиваются по своему фонологическому составу, в частности, существует избирательность аффиксов по отношению к фонемам (отсутствие в аффиксах фонем /ʒ/, /f/, /ʒ/, /ʒ/, /ʒ/ и др.), аналогична избирательность служебных частей речи.

2.2.3. П.я. отличается значительным морфонологическим варьированием многих как корневых, так и словообразовательных морфем, проявляющимся в глагольном и именном словообразовании и словоизменении (чередования в основе).

Основные типы чередований г л а с н ы х: /e/ ~ /a/: *miał* ‘он имел’ — *mieli* ‘они имели’; /e/ ~ /o/: *zaproszony* ‘приглашённый’ — *zaproszeni* ‘приглашённые’; /u/ ~ /o/: *stół* ‘стол’ — *stołu* ‘стола’, *mógł* ‘он мог’ — *mogła* ‘она могла’; /e/ ~ Ø: *sen* ‘сон’ — *snu* ‘сна’, *bułka* ‘булка’ — *bulek* ‘булок’, *buleczka* ‘булочка’. Имеют место также чередования бифонемных сочетаний, отображаемых буквами *e*, *a*: *maż* ‘муж’ — *męża* ‘мужа’, *wziął* ‘он взял’ — *wzięła* ‘она взяла’. Эти чередования наиболее регулярны, особенно в формообразующих суффиксах.

Прочие чередования гласных включают как отдельные фонемы, так и их сочетания: /o/ ~ /u/ ~ /a/ (*powrotny* ‘обратный’ — *wrócić* ‘вернуться’ — *wracać* ‘возвращаться’); Ø ~ /u/ ~ /y/ ~ /e/ (*uschnąć* ‘высохнуть’ — *suchy* ‘сухой’ — *usychać* ‘высыхать’ — *usechl* ‘он высох’) или чередования бифонемных сочетаний: [ɔ] ~ [e] ~ /m/ ~ /ym/ (*duć* ‘дуть’ — *dęty* ‘дугий’ — *dme* ‘я дую’ — *nadymać* ‘надувать’).

Чередования с о г л а с н ы х формируют следующие основные ряды альтернантов: I ряд составляют исходно твердые согласные /p/, /b/, /f/, /v/, /m/, /ɯ/, /n/, /t/, /d/, /s/, /z/, /r/, /k/, /g/, /x/; II ряд — фонетически мягкие согласные /pʲ/, /bʲ/, /fʲ/, /vʲ/, /mʲ/, /l/, /ń/, /ć/, /ź/, /ś/, /ż/ и отвердевшие (функционально, или морфологически, мягкие) шипящие и свистящие /ʒ/, /c/, /ʒ/, /ś/ (/ś/); III ряд — другие отвердевшие согласные, чередующиеся с альтернантами II ряда (например, /ć/ ~ /c/: *placić* ‘платить’ — *placę* ‘я плачу’). Многие чередования обладают высокой степенью регулярности и обязательности: так, чередование заднеязычных согласных со свистящими и шипящими /k/ ~ /c/, /g/ ~ /ʒ/, /x/ ~ /ś/ или /ś/ (I и II ряды) свойственно именному склонению и наступает, в частности, перед флексиями дательного и местного падежей единственного числа существительных женского и отчасти мужского рода (*matka* ‘мать’ — *matce* ‘матери’, *droga* ‘дорога’ — *na drodze* ‘на дороге’, *hetman Sapieha* ‘гетман Сапега’ — *o hetmanie Sapiesze* ‘о гетмане Сапеге’) или именительного падежа множественного числа лично-мужских существительных (*Polak* ‘поляк’ — *Polacy*, *kolega* ‘коллега, приятель’ — *koledzy*, *patriarcha* ‘патриарх’ — *patriarsi*). Чередования согласных II и III ряда присущи

глагольному словоизменению, а также именному словообразованию (например, *prosić* 'просить' — *proszę* 'я прошу', *kapelusz* 'шляпа' — *kapelusik* 'шляпка'); другие чередования характеризуются более широкой сферой функционирования.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

П.я. принадлежит к флективным языкам синтетического типа, что реализуется в системе падежно-числового формообразования существительных, прилагательных, местоимений, причастий, падежного словоизменения числительных и глагольных имен, в спряжении личных форм глагола в настоящем времени изъявительного и отчасти форм повелительного наклонения. При падежных формах широко употребляются предлоги. Отдельные формы словоизменения носят аналитический характер (будущее время изъявительного наклонения, страдательный залог, отчасти — степени сравнения прилагательных и наречий). Элементы агглютинации отмечаются в формах прошедшего времени изъявительного наклонения и в формах сослагательного наклонения глаголов (см. 2.5.1.). Наблюдается тенденция к усилению аналитизма, в частности, к замене беспредложных конструкций предложными.

2.3.1. Грамматические семантико-функциональные разряды слов (части речи) выделяются по совокупности семантических, морфологических и синтаксических признаков. По семантическим, собственно онтологическим основаниям наиболее отчетливо противопоставляются знаменательные слова (обозначения предметов-субстанций, их признаков, действий или состояний) словам служебным, выполняющим функции грамматических морфем: предлогам, союзам, частицам. Особое положение занимают местоимения, числительные, междометные и вводные слова. К морфологическим признакам частей речи относят состав грамматических категорий и связанные с ним типы словоизменения и формообразования, а также типы словообразования (наиболее распространенные способы словопроизводства и модели). По морфологическим основаниям выделяются слова склоняемые, изменяющиеся по падежам и по числам, отчасти — по родам, слова спрягаемые, изменяющиеся по лицам, наклонениям и временам, и слова неизменяемые. Из синтаксических особенностей учитываются функции и позиция слов в структуре предложения, их синтаксическая сочетаемость, некоторые правила линейной упорядоченности. В соответствии с этим выделяются слова, основной функцией которых является функция: 1) главного конституирующего члена предложения — предиката (глаголы, наречные предикативы); 2) главного члена именной группы (существительные, часть местоимений); 3) приименного определения (прилагательные, некоторые местоимения, часть форм числительных); 3) адвербиального определения (наречия, в том числе местоименные). В целом грамматическая система знаменательных частей речи в П.я. строится на противопоставлении разряда глагола (к которому функционально тяготеют наречные предикативы) разрядам именных частей речи — существительному, прилагательному, числительному и местоимению, к которым тяготеет и наречие, связанное с именами по происхождению. Это противопоставление опирается как на морфологические, так и на функционально-синтаксические свойства слова. Указанные типы слов морфологически охарактеризованы с помощью по существу не пересекающихся грамматических категорий (исключение составляют общая категория числа и согласовательные формы рода и мужского лица, унасле-

дованные некоторыми личными глагольными формами от именных форм причастий, входящих в их состав). Синтаксическую обособленность глагола обеспечивает его ведущая роль при выражении предикативного отношения. Ввиду несовпадения границ категориальных морфологических и семантико-синтаксических признаков существуют промежуточные группы слов, совмещающих признаки, соотносимые с разными частями речи: глагольное имя, глагольное прилагательное (причастие), деепричастия, порядковые числительные, местоименные наречия и т. д.

П.я. свойственны одиннадцать морфологических грамматических категорий. Словоизменительная категория числа охватывает большинство изменяемых частей речи. Родовая классификация существительных построена иерархически и включает квалифицирующие селективные категории рода, одушевленности/неодушевленности, мужского лица (личности). Существительные и прочие склоняемые слова имеют категорию падежа. Все именные категории — число, род, падеж, одушевленность, мужское лицо (личность) — выражаются посредством флективных морфологических форм; при этом падежные формы могут вступать в аналитические предложно-падежные сочетания. Всем этим категориям соответствуют формы согласования других склоняемых частей речи и отчасти глагола.

Категория лица свойственна личным местоимениям и личным формам глагола, категория наклонения — личным формам глагола, категория времени — личным формам глагола и деепричастиям, категория залога — личным формам глагола и глагольно-именным формам причастий, категория вида — всем глагольным формам, включая глагольное имя. Глагольные категории в основном имеют словоизменительный характер и выражаются морфологически (кроме классифицирующей категории вида). Согласование, или координация, соотносит глагол-сказуемое с существительным-подлежащим по числу, иногда также по роду, а с местоимением в той же функции — по лицу. Категории вида, залога, наклонения, времени выражаются только в самом глаголе и в согласовании не участвуют.

Значение интенсивности проявляется в морфологической категории степеней сравнения качественных прилагательных и наречий (которая часто трактуется как словообразовательная), отчасти в глаголе (в итеративном способе глагольного действия), а также выражается лексическими показателями меры и степени. Прочие универсальные категории — определенность/неопределенность, собирательность, уменьшительность и т. п. — выражаются нерегулярно лексическими, не собственно грамматическими средствами или являются словообразовательными (например, собирательность, уменьшительность). Значение притяжательности (посессивности) передается либо лексическими средствами (притяжательные местоимения, глаголы со значением обладания), либо различными синтаксическими конструкциями. Притяжательные прилагательные единичны.

2.3.2. Существительным (и отчасти местоимениям) свойственна несловоизменительная *р о д о в а я* классификация, которая представляет собой единую иерархически построенную систему грамматических классов и подклассов — рода (мужского, женского и среднего), одушевленности/неодушевленности и мужского лица (личности), у существительных, обозначающих лицо, в целом соотносимых с полом денотата. Для выражения категориальных различий между этими

классами используются как морфологические средства, так и согласование с относящимися к существительному формами определяющих слов и согласуемой формы сказуемого. Морфологическое выражение рода существительных сводится к разграничению наборов многозначных фузионных падежно-числовых флексий (типов склонения), в целом дифференцированных по родовому признаку (см. 2.4.0.), и специализированным словообразовательным моделям. Морфологически по роду, одушевленности/неодушевленности и мужскому лицу различаются также формы личного местоимения 3-го лица, тогда как вопросительные и производные от них местоимения только лексически отражают отнесенность к живым и неживым объектам (*kto* 'кто', *co* 'что'). Согласуемыми являются формы прилагательных (включая формы степеней сравнения), причастий, так называемых родовых местоимений (указательных, части притяжательных, вопросительных, неопределенных и отрицательных), числительных, некоторые спрягаемые формы глагола. У согласуемых слов категории рода, одушевленности/неодушевленности и мужского лица, выражаемые специфическими аффиксами, носят словоизменительный характер.

Учет как морфологических, так и синтаксических особенностей выражения указанных категорий позволяет выделить пять основных родовых классов существительных: женского, среднего, мужского неодушевленного, мужского одушевленного и лично-мужского родовых классов. При включении в рассмотрение всех морфологических типов существительных и согласовательных моделей в рамках сложных предложений их число может быть увеличено до девяти. Каждый из пяти родовых классов характеризуется своеобразным типом падежного синкретизма (омонимии) зависимых согласуемых форм, прежде всего в единственном числе (см. 2.4.0.).

Общий класс существительных мужского рода включает два подкласса: существительные одушевленные и неодушевленные. Семантически обусловленная оппозиция одушевленности / неодушевленности не имеет собственных специфических флексий, но последовательно выражается в винительном падеже единственного числа через омонимию падежно-числовых форм и форм согласования (кроме собственно глагольных). Мужской неодушевленный класс характеризуется омонимией именительного и винительного падежа единственного и множественного числа, мужской одушевленный — омонимией винительного и родительного падежа единственного числа. Категория мужского лица реализуется у существительных лично-мужского родового класса. Морфологически она наиболее последовательно выражается через омонимию форм винительного и родительного падежа множественного числа и для части существительных — через особые падежно-числовые флексии именительного падежа множественного числа. В согласуемых формах лично-мужские существительные противопоставлены (в том числе и с помощью специфических флексий этих форм) существительным всех прочих родовых классов, согласующимся с единой нелично-мужской (иначе — женско-вещной) формой: *Tam siedzieli trzech nieznaní Polacy* 'Там сидели три незнакомых поляка'; *Tam siedziały trzy nieznané Polki* 'Там сидели три незнакомые польки'; *Tam siedziały trzy nieznané ptaki* 'Там сидели три неизвестные птицы' (*ptak* — существительное нелично-мужского класса).

Выбор классного показателя рода или мужского лица в согласуемых формах может определяться также непосредственной ориентацией на обозначаемый референт и отражать различия по признаку пола: в единственном числе — *usiadł i zadowolony* ‘уселся — и доволен’, *usiadła i zadowolona* ‘уселась — и довольна’; во множественном числе — через формальную оппозицию лично-мужских и нелично-мужских форм: *byliśmy tam obie* ‘мы обе там были’ (женщины о себе), *byliśmy tam* ‘мы там были’ (о мужском или смешанном обществе). У собирательных числительных возможно разграничение мужского (*obaj byli* ‘оба были’) и смешанного общества (*oboje byli*).

Ограниченность базы выражения категорий одушевленности/неодушевленности и мужского лица (личности) одной-двумя формами, грамматическая нейтрализация некоторых морфологических средств, возможность использовать нелично-мужские показатели в стилистических целях — все это может свидетельствовать о неполной грамматичности данных категорий, что в значительной степени объясняется сравнительно поздним их становлением в П.я. (XVI–XVIII вв.).

2.3.3. Морфологическая категория числа опирается на оппозицию форм единственного и множественного числа существительных, прилагательных и других согласуемых с ними слов, личных форм глагола и форм личного местоимения 3-го лица (у личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа категория числа — классификационная). Имеются группы существительных *pluralia* и *singularia tantum*. Морфологическая оппозиция единственного и множественного числа формируется особыми наборами многозначных аффиксов-флексий, составляющих два независимых типа парадигм — падежно-числовой у имен и лично-числовой у глаголов. Кроме значений числа, эти флексии несут также значение соответственно падежа или лица, а в некоторых формах являются также показателями именного родового класса, включая мужское лицо (см. 2.3.2.).

Значение совокупной множественности передается прежде всего с помощью малопродуктивной словообразовательной категории собирательности и лексически, а в определенных условиях контекста — формами числа существительных. Значение собирательности свойственно некоторым группам числительных.

Для лексического обозначения количества служит особая часть речи — числительные, которые семантически и структурно подразделяются на слова, обозначающие конкретное количество (количественные: *dwa, dwie* ‘два’, ‘две’, *dwanaście* ‘двенадцать’, *czteryście* ‘четыреста’), совокупное количество (собирательные: *dwoje* ‘двое’, *dwanaścioro* ‘двенадцать’), а также наречные и местоименные слова со значением неопределенного количества (*wiele* ‘много’, *kilka* ‘несколько’) и количественно-неопределенной совокупности (*kilkoro* ‘несколько’). Семантически к числительным примыкают количественные прилагательные (так называемые порядковые числительные): *drugi* ‘второй’, *dwunasty* ‘двенадцатый’. Собственно числительные имеют специфические флективные формы падежей; у них также различаются формы лично-мужские (*dwaj* ‘двое’, *wielu* ‘многие’) и нелично-мужские, а у числительного ‘два’ в рамках последних — формы мужского/среднего и женского рода (числительное *jeden* ‘один’ изменяется по роду и числу, как прилагательные); парадигма собирательных числительных об-

наруживает формальное сходство со склонением существительных среднего рода в единственном числе.

2.3.4. Категория падежа присуща существительным и согласуемым с ними словам, глагольному имени, личным и части вопросительных и отрицательных местоимений. Формально падежная система включает шесть падежей (именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и местный), а у существительных мужского и женского рода в единственном числе еще особую форму наименования собеседника — звательную. Маркером падежа является флексия, синтетически выражающая также значение числа и иногда выступающая одновременно показателем родового класса; нередко присоединение флексии оказывается сопряжено с морфологическими чередованиями гласных и согласных в основе (см. 2.2.3.). Склонение существительных распадается на несколько типов, выбор между которыми — равно как и выбор флексии для каждой отдельной падежно-числовой словоформы — обусловлен целым рядом факторов. К ним прежде всего относятся: принадлежность существительного к тому или иному родовому классу, в том числе для некоторых падежных форм — принадлежность его к подклассу мужских неодушевленных, мужских одушевленных и лично-мужских существительных (см. 2.3.2.), тип основы (характер финали), а также — значительно реже — лексические, словообразовательные или иные особенности лексемы. Падежные формы (кроме именительного падежа) могут сочетаться с многочисленными семантически разнообразными предлогами, при форме же местного падежа предлог обязателен. Согласование по падежу охватывает прилагательные (включая формы степеней сравнения), родовые местоимения, числительные, причастия, что реализуется с помощью синтетических падежных флексий, обладающих также значением числа и в определенных случаях являющихся показателями родового класса. Почти все падежные формы совмещают собственно синтаксические и семантические функции. Выражение семантического субъекта действия присуще формам именительного падежа (при глагольных формах активного залога, см. 2.3.5.), родительного (при глагольных именах действия, в сочетаниях с квантификаторами типа *dwóch studentów szło* 'два студента шли', *pięć ptaków odleciało* 'пять птиц улетело'), дательного и винительного субъекта состояния в безличных конструкциях типа *chce mi się spać* 'мне хочется спать', *mdli mnie* 'меня тошнит', а также предложно-падежному сочетанию *przez* + винительный падеж (в пассивных конструкциях, см. 2.3.5.). Прямой объект действия выражают формы винительного падежа при активном залоге, именительного — при пассивном залоге, родительного — при глагольном имени, при некоторых глаголах и в отрицательных конструкциях при прямопереходных глаголах. Прочие типы объектов-актантов (косвенный объект, адресат, орудие и т. п.) передаются различными предложно-падежными и беспредложными формами.

Атрибутивные и посессивные значения, не составляющие в П.я. морфологических категорий, выражаются различными беспредложными и предложными формами косвенных падежей, преимущественно формами родительного падежа, а также прилагательными, местоимениями и причастиями в согласуемых формах. Посессивность передается: формой родительного падежа (в приименном употреблении: *książka ojca* 'книга отца', в предикативном: *Ta książka jest ojca* 'Эта

книга — отца'), формой дательного падежа с двойным — прилагательным и приименным — подчинением (*Oczy mu zalsniły* 'У него заблестели глаза'), а также системой притяжательных местоимений и другими лексическими средствами.

Для выражения обстоятельственных значений (темпоральных, локальных, причины, цели, образа действия и т. п.) используются беспредложные и предложно-падежные формы, наречия, а для выражения темпоральных, причинных и качественно-обстоятельственных значений также деепричастия. Все указанные значения могут быть выражены также придаточными предложениями, присоединяемыми с помощью подчинительных союзов и относительных местоимений.

2.3.5. Глаголу свойственны лексико-грамматическая категория вида и грамматические категории залога, наклонения, времени, лица; помимо этого в глагольных формах находят отражение грамматические категории числа, отчасти рода и мужского лица, а в склоняемых формах причастия и глагольного имени — также падежа.

Все глагольные формы принадлежат к одному из двух рядов лексико-грамматической квалифицирующей категории *в и д а* — совершенного или несовершенного: сов. *zaprosić* 'пригласить' — несов. *zapraszać* 'приглашать'. Видовая оппозиция находит отражение: в регулярных отношениях словообразовательной мотивации, в морфологических ограничениях (объем словоизменительных парадигм парных по виду глаголов различен), в семантических особенностях соотносительных форм других категорий (главным образом времени, но также категории залога и наклонения), в особенностях синтаксической сочетаемости глаголов разного вида (например, с фазовыми глаголами) и в различной семантико-формальной связи категории вида с лексико-грамматической классификацией глаголов по способу глагольного действия.

Грамматическая противопоставленность форм *з а л о г а* — действительного и страдательного — выражает различную трактовку говорящим взаимоотношений агенса и пациенса действия. Действительный залог базируется на действительной форме глагола-сказуемого, при которой агенс занимает позицию подлежащего в форме именительного падежа, а пациенс — прямого дополнения в форме винительного падежа: *Murarze budują dom* 'Каменщики строят дом'. Средством выражения страдательного залога признается аналитическая форма — пассивная конструкция, состоящая из страдательного причастия, формирующего вместе со вспомогательным глаголом *być* 'быть' или *zostać* 'стать' сказуемое при пациенсе-подлежащем в именительном падеже и агенсе в форме винительного падежа с предлогом *przez*: *Dom jest budowany/został zbudowany przez murarzy* 'Дом строится/был построен каменщиками'. Противопоставление форм активного и пассивного залога характерно только для переходных глаголов. Формальным показателем *п е р е х о д н о с т и* является управление винительным падежом прямого объекта (а также — при отрицании — родительным, реже — другими падежами) и способность образовывать страдательное причастие: *czytać artykuł* 'читать статью' — *czytany* 'читаемый/читанный'. Залоговые значения (т. е. отношения агенса и пациенса) могут передаваться страдательным причастием и в позиции атрибута: *do domu budowanego przez murarzy* 'в дом, строящийся каменщиками', и глагольным именем: *budowanie domu przez murarzy* 'постройка дома каменщиками' (см. 2.3.4.). Страдательным причастиям в позиции атрибута

противопоставлены действительные причастия (например, *czytający* 'читающий/читавший', *budujący* ' строящий/строивший').

Границы и статус категории залога являются предметом дискуссии. Традиционно в нее включали также — в качестве форм третьего, так называемого возвратного залога (рефлекси́ва) — возвратные образования от переходных глаголов, обладающие «возвратно-страдательным» значением, типа *myć się* 'мыться'. Иногда формы залога трактуются как синтаксические образования, а категорию залога признают синтаксической.

Словоизменительная категория наклонения строится на противопоставлении трех рядов форм: изъявительного наклонения, обозначающих действие как реальное в прошлом, настоящем или будущем (*piszę* 'я пишу'); повелительного наклонения, обозначающих нереальное действие, мыслимое как желательное (*pisz!* 'пиши!'); сослагательного наклонения, обозначающих нереальное действие, мыслимое как предполагаемое или возможное (*pisalabym* 'я бы писала'). Ограниченное в живом узусе противопоставление так называемых временных форм сослагательного наклонения типа *przyszłoby* 'он бы пришёл' — *byłby przyszł* 'он пришёл бы (в прошлом)' отражает разграничение гипотетически возможного действия от реально не осуществленного. Специфические функции выполняют формы сослагательного наклонения в сложных предложениях типа *Chciałem, żebyś przyszł* 'Я хотел, чтобы ты пришёл', что иногда интерпретируется как особое «зависимое наклонение».

Словоизменительная категория времени охватывает спрягаемые формы залога и наклонений (кроме повелительного), а также деепричастия. Семантически и формально категория времени очень тесно связана с категорией вида. Разным видо-временным формам глагола свойственны различные значения, в том числе контекстуально обусловленные, но формально противопоставленными являются лишь следующие: действие, длившееся или совершившееся в прошлом до момента речи (формы прошедшего времени глаголов соответственно несовершенного и совершенного вида); действие, длящееся в настоящем, в момент речи (формы настоящего времени глаголов несовершенного вида); действие, длящееся в будущем после момента речи (формы будущего времени глаголов несовершенного вида); целостное действие в будущем (формы будущего времени глаголов совершенного вида). Иной семантический тип представляет категория времени, формально сопряженная с видом, у деепричастий, соотносящих время дополнительного действия лишь с временным планом основного действия, но безотносительно к моменту речи: деепричастия настоящего времени глаголов несовершенного вида выражают одновременность (*czytając* 'читая'), деепричастия прошедшего времени глаголов совершенного вида — предшествование (*przeczytawszy* 'прочитав').

В сложных предложениях формы времени в зависимости от лексических и видо-временных характеристик контекста способны передавать относительное время (см. 2.3.6.).

2.3.6. Словоизменительная категория глагольного лица актуализирует действие применительно к участникам коммуникации; она реализуется в оппозиции форм трех лиц и соотносительна с одноименной категорией у личных местоимений, с которыми личные формы глагола согласуются в предика-

тивной синтагме. Показателями лица являются три набора многозначных лично-числовых флексий, оформляющих все формы залога, наклонения и времени.

Местоименные слова включают семантически и морфологически разнородные типы (разряды), соотносимые с субстантивными, адъективными и адвербиальными словами. Классификация местоимений по категориально-синтаксической соотнесенности (местоимения-существительные, местоимения-атрибуты — так называемые родовые, местоимения-наречия, иногда выделяются также местоименные числительные) пересекается с функционально-семантической классификацией (местоимения личные, возвратные, указательные, вопросительные, неопределенные, отрицательные, относительные). Дейктические и анафорические функции формально не специализированы.

Среди дейктических слов центральное место занимают личные и лично-притяжательные местоимения, которые дифференцируются по категориям не только лица, но и числа (а также изменяются по падежам): местоимение 1-го лица единственного числа *ja* 'я' обозначает говорящего, 1-го лица множественного числа *my* 'мы' — говорящего вместе с собеседником/собеседниками или лицом/лицами коммуникативной ситуации; местоимения 2-го лица единственного и множественного числа *ty* 'ты', *wy* 'вы' обозначают собеседника/собеседников, формы местоимений 3-го лица единственного и множественного числа *on* 'он', *ona* 'она', *ono* 'оно', *oni*, *one* 'они' (соответственно лично-муж. и нелично-муж.) — лицо/лиц вне коммуникативной ситуации. Лично-возвратное и возвратно-притяжательное местоимения служат для идентификации с субъектом действия, независимо от его лица, прочих актантов предиката: *Kupiłem sobie palto* 'Я купил себе пальто' — *Jan kupił sobie palto* 'Ян купил себе пальто', *Biorę swoje palto* 'Я беру свое пальто' — *Jan bierze swoje palto* 'Ян берёт свое пальто'.

Хотя система трех лиц у местоимений соотносится с категорией глагольного лица, узуальное наименование участников коммуникации не во всем совпадает с указанной формально-грамматической системой. В современном литературном П.я. общепринят способ вежливого обозначения одного или многих собеседников с помощью прономинализированных слов *pan*, *pani*, *państwo*, например: 'Я Вас знаю' к мужчине — *Znam Pana*, к женщине — *Znam Panią*, к смешанному обществу — *Znam Państwa*. В сочетании с этими лексемами действие собеседника/собеседников выражает глагольная форма 3-го лица: 'Вы разрешите?' к мужчине — *Pan pozwoli?*, к женщине — *Pani pozwoli?*, к смешанному обществу — *(Czy) Państwo pozwoli?*

Анафорические функции в речи выполняют личные местоимения 3-го лица и указательные местоимения; в сложных предложениях средством анафоры служат омонимичные вопросительным относительные местоимения, которым в главном предложении может соответствовать катафорическое указательное местоимение: *ten sam dom, w którym...* 'тот же самый дом, в котором...'

Выражение значения определенности/неопределенности в П.я. не грамматализовано. Лексически это значение выражается местоимениями и местоименными словами различных типов: указательными (*ten* 'этот', *tam* 'там') или неопределенными (*pewien* 'один, некий', *ktoś* 'кто-то, кто-нибудь',

jakikolwiek 'какой-нибудь, какой-либо', *kilka* 'несколько'), а также сложными прилагательными с местоименными корнями (*kilkakrotny* 'повторяющийся несколько раз'), синтаксически — предложно-падежными конструкциями (*z pół tuzina* 'с полдюжины', *z pięć kilometrów* 'около пяти километров', *około szóstej* 'около шести часов') и порядком слов (*Ona ma lat dwadzieścia* 'Ей лет двадцать'). Некоторые указательные и неопределенные местоимения, а также местоименные наречия лексически передают ориентацию на говорящего (ближний и дальний предмет: *ten* 'этот' — *tamten* 'тот', *tu* 'здесь', 'сюда' — *tam* 'там', 'туда'). Только в системе глагола противопоставление значений определенного (1-е, 2-е и 3-е лицо) и неопределенного деятеля находит грамматическое выражение благодаря специализированным формам прошедшего времени изъявительного наклонения с показателями *-no*, *-to* (*mówiono* 'говорили', *rozpoczęto budowę* 'начали строительство'). В неопределенно-личном значении употребляются также бессубъектные формы 3-го лица множественного числа (*mówią* 'говорят', *mówili* 'говорили') и формы 3-го лица единственного числа невозвратных глаголов с частицей *się* (*mówi się* 'говорится', *mówiło się* 'говорилось').

Соотношение времени действия и акта коммуникации отражает грамматическая словоизменительная категория в р е м е н и (см. 2.3.5.) в виде противопоставления трех временных планов: прошедшего (до момента речи), настоящего (одновременно с моментом речи) и будущего (после момента речи). Остаточные формы давнопрошедшего времени соотносят время действия с другим, следующим за ним действием в прошлом. Прочие соотношения временных планов выражаются различными видо-временными формами глагола, их последовательностью, а также лексическими и синтаксическими средствами — местоименными и иными наречиями, предложно-падежными темпоральными конструкциями и т. п.

О т р и ц а н и е выражается преимущественно лексически. К показателям отрицания относятся: отрицательная частица *nie*, парные отрицательные союзы (*ni... ni*, *ani... ani* 'ни... ни; не... и не'), отрицательные местоимения — аналоги существительных, прилагательных и наречий (*nikt* 'никто', *żaden* 'никакой', *nigdy* 'никогда'). Экзистенциальный глагол при отрицании имеет супплетивные формы: *nie było* 'не было' — *nie ma* 'нет' — *nie będzie* 'не будет'. Некоторые показатели отрицания повторяются в тексте obligatorно, в результате чего возникает двойное и тройное отрицание: *Nigdzie z nikim nie pójdę* 'Я никуда ни с кем не пойду'. На уровне слова выступают словообразовательные отрицательные морфемы: префиксы *ni-* (при образовании отрицательных местоимений), *nie-*, *bez-*, *anty-* (*nieładny* 'некрасивый', *beznogi* 'безногий', *antytalent* 'бездарь'). К синтаксическим показателям отрицания можно отнести обязательную замену в отрицательных предложениях винительного падежа прямого дополнения родительным (*Kocham Annę* 'Я люблю Анну' — *Nie kocham Anny* 'Я не люблю Анну'), что может нарушаться только в очень осложненных синтагмах (*Nie uważała za stosowne trzymać języka / język za zębami* 'Она не считала нужным держать язык за зубами'), и некоторые синтаксические конструкции (*To nie do darowania* 'Этого нельзя простить').

2.3.7. В П.я. обычно выделяют следующие части речи:

— с у щ е с т в и т е л ь н ы е — наименования предмета-субстанции, характеризуются категориями рода, одушевленности/неодушевленности, мужского лица, числа и падежа; первичная синтаксическая функция — главный член именной группы;

— п р и л а г а т е л ь н ы е — наименования вневременного признака предмета-субстанции, характеризуются согласовательными категориями рода, одушевленности/неодушевленности, мужского лица, числа и падежа; качественные прилагательные обладают также категорией степеней сравнения; первичная синтаксическая функция — зависимый член именной группы;

— ч и с л и т е л ь н ы е (количественные и собирательные) — наименования конкретного количества, характеризуются категорией падежа, количественные числительные также категорией мужского лица, а некоторые, кроме того, рода и числа; первичная синтаксическая функция — зависимый член именной группы (за исключением нелично-муж. форм им. и вин. п. *pięć* 'пять' и выше, лично-муж. форм им. п. *dwóch* 'два/двое', *trzech* 'три/трое', *czterech* 'четыре/четверо', *pięciu* 'пять/пятеро' и выше, а также форм им., вин. и твор. п. собирательных числительных типа *dwoje* 'двое', *dwojgiem* 'двумя', выступающих синтаксически главными членами сочетаний с существительными в род. п. мн. ч.);

— г л а г о л ы — обозначения признака во времени (действия или состояния), характеризуются лексико-грамматической категорией вида и грамматическими категориями залога, наклонения, времени, лица и числа; первичная синтаксическая функция глагола в спрягаемых (личных) формах — главный конституирующий член предложения. Кроме спрягаемых форм, полная глагольная парадигма включает в себя также частные парадигмы склоняемых глагольных форм (глагольного имени, действительных и страдательных причастий) и ряд неизменяемых форм (деепричастия, инфинитив); выделяются также специализированные предикативные формы с неопределенно-личным значением (см. 2.3.6.) и особая группа безличных глаголов, выступающих только в предикативной функции и характеризующихся рядом грамматических ограничений: неспособностью сочетаться с показателем субъекта действия в именительном падеже, иметь формы лица, повелительного наклонения, деепричастий и т. п.;

— н а р е ч и е — обозначения признака действия/состояния или другого признака; из форм изменения только часть наречий, а именно имеющие качественное значение, образует формы степеней сравнения; первичная синтаксическая функция — адвербиальное определение;

— м е с т о и м е н и я — дейктические и анафорические слова с различными синтаксическими функциями; общим морфологическим признаком местоимений является изменение по падежам;

— п р е д л о г и — неизменяемые служебные слова, употребляющиеся в конструкциях с падежными формами;

— с о ю з ы — неизменяемые служебные слова, соединяющие знаменательные слова и предложения в синтаксические единицы более высокого ранга;

— ч а с т и ц ы — неизменяемые служебные слова-морфемы, модифицирующие значение слов или предложений и обладающие значением модальности, неопределенности, усилительности и т. д.;

— м е ж д о м е т и я — экспрессивные слова, функционирующие как самостоятельные предложения или элементы предложений; во вторичной функции способны выступать в качестве сказуемого (*Wszystcy bęc na podłogę* 'Все бух на пол').

В новейших описаниях частей речи выделяются также так называемые нефлективные глаголы типа *można* 'можно', *widać* 'видно', *szkoda* 'жаль' и т. д., объединяемые с глаголами под общим названием «предикативы»; кроме того, особо трактуются слова, соединяющиеся с любым членом предложения и выражающие субъективную модальность, типа *może* 'может быть', *niby* 'вроде' (так называемые модализаторы), и слова с функцией так называемых прагматических операторов типа *jeszcze* 'ещё' или *nawet* 'даже' и т. п. В зависимости от избранных критериев (см. 2.3.1.) вся система частей речи и границы между представленными классами могут быть описаны по-разному у разных исследователей.

2.4.0. Образцы парадигм.

С у щ е с т в и т е л ь н ы е

Склонение существительных по падежам и числам определяется принадлежностью существительного к тому или иному родовому классу и характером финали его основы. В соответствии с этим выделяются основные типы: мужское склонение (с учетом одушевленных и лично-мужских существительных), среднее и женское; в рамках каждого различаются твердая и мягкая разновидности. К твердой разновидности относятся существительные, основы которых заканчиваются на твердые согласные /b/, /p/, /v/, /f/, /m/, /z/, /s/, /d/, /t/, /n/, /ɕ/, а во множественном числе и на /k/, /g/, /x/. К мягкой разновидности относятся существительные, основы которых заканчиваются на мягкие согласные /ś/, /ź/, /ć/, /ź/, /nʲ/, /j/ и /l/, на твердые шипящие и свистящие /ś/, /ź/, /ć/, /ź/, /c/, /z/, на мягкие губные /bʲ/, /pʲ/, /vʲ/, /fʲ/, /mʲ/ (перед нулевой флексией выступают твердые губные). Существительные женского рода с основой на /k/, /g/, /x/ в единственном числе склоняются по твердой разновидности, мужского и среднего — по мягкой (фактически речь идет лишь о выборе в местн. п. ед. ч. и в звательной форме флексии *-i*, характерной также для мягкой разновидности). При учете всех вариантов падежных форм, а также регулярных наращений и чередований в основе, номинативных и грамматических особенностей лексем склонение польских существительных может включать до 50 парадигматических классов.

В нижеследующих образцах парадигм варианты *-i/-y* и *-y/-i* отражают твердость/мягкость предшествующего согласного основы.

Мужское склонение (основной тип)

profesor 'профессор', *przedmiot* 'предмет', *nos* 'нос', *kot* 'кот', *pisarz* 'писатель',
widz 'зритель', *kraj* 'страна'

Падеж	Ед. число	Мн. число
Им.	-Ø	лично-муж. <i>-i/-y³</i> , <i>-owie</i> , <i>-e²</i>
		нелично-муж. <i>-y/-i</i> , <i>-e²</i>

Род.	одуш. <i>-a</i>	<i>-ów, -i/-y</i>
	неодуш. <i>-u, -a</i>	
Дат.	<i>-owi (-u)</i>	<i>-om</i>
Вин.	одуш. = род. п.	лично-муж. = род. п.
	неодуш. = им. п.	нелично-муж. = им. п.
Твор.	<i>-em</i>	<i>-ami</i>
Местн.	<i>-e¹, -u²</i>	<i>-ach</i>
Зват. форма	<i>-e¹, -u²</i>	

Примечания: 1. У существительных твердой разновидности. Перед окончанием *-e* в основе твердые согласные регулярно чередуются с их мягкими или функционально мягкими альтернантами (I ~ II ряды, см. 2.2.3.). 2. У существительных мягкой разновидности. 3. У существительных твердой разновидности с чередованием в основе твердых и мягких (функционально мягких) альтернантов (I ~ II ряды, см. 2.2.3.).

Среднее склонение (основной тип)

drzewo 'дерево', *miejsce* 'место', *cielę* 'телёнок'

Падеж	Ед. число	Мн. число
Им.	<i>-o, -e, -e¹</i>	<i>-a</i>
Род.	<i>-a</i>	<i>-Ø, -i/-y³</i>
Дат.	<i>-u</i>	<i>-om</i>
Вин.	= им. п.	
Твор.	<i>-em</i>	<i>-ami</i>
Местн.	<i>-e², -u</i>	<i>-ach</i>

Примечания: 1. В косвенных падежах и во множественном числе происходит наращение основы: *cielę* — род. п. ед. ч. *cielęcía*, им. п. мн. ч. *cielęta*, род. п. мн. ч. *cieląt* и т. д. 2. У существительных твердой разновидности. Перед окончанием *-e* твердые согласные регулярно чередуются с мягкими (функционально мягкими) альтернантами (I ~ II ряды, см. 2.2.3.). 3. У некоторых существительных мягкой разновидности.

Женское склонение (основной тип)

kobieta 'женщина', *ziemia* 'земля', *gospodyni* 'хозяйка', *radość* 'радость'

Падеж	Ед. число	Мн. число
Им.	<i>-a, -i¹, -Ø</i>	<i>-y/-i, -e⁵, -i/-y</i>
Род.	<i>-y/-i, -i/-y</i>	<i>-Ø, -i/y⁶</i>
Дат.	<i>-e², -i/-y</i>	<i>-om</i>
Вин.	<i>-ę, -Ø</i>	= им. п.
Твор.	<i>-ą</i>	<i>-ami, -mi⁷</i>
Местн.	<i>-e², -i/-y</i>	<i>-ach</i>
Зват. форма	<i>-o, -u³, -i/-y⁴</i>	

Примечания: 1. У части существительных мягкой разновидности. 2. У существительных твердой разновидности. Перед окончанием *-e* твердые согласные регулярно чередуются с мягкими (функционально мягкими) альтернантами (I ~ II ряды, см. 2.2.3.). 3. У уменьшительных существительных мягкой разновидности. 4. Только у существительных типа *radość*. 5. У

существительных мягкой разновидности и части существительных типа *radość* (*dłoń* ‘ладонь’ — *dłonie* и др.) 6. У существительных типа *radość* и части существительных мягкой разновидности (*stocznia* ‘верфь’ — *stoczni* и др.). 7. У части существительных типа *radość* (*dłońmi* и др.).

Прилагательные, причастия, родовые местоимения

zdrowy ‘здоровый’, *głupi* ‘глупый’, *pracujący* ‘работающий’, *nasz* ‘наш’

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	Лично-муж.	Нелично-муж.
	Ед. число			Мн. число	
Им.	-y/-i, -Ø ¹	-e	-a	-i/-y ²	-e
Род.	-ego		-ej	-ych/-ich	
Дат.	-emu		-ej	-ym/-im	
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.	-e	-ą	= род. п.	= им. п.
Твор.	-ym/-im		-ą	-ymi/-imi	
Местн.	-ym/-im		-ej	-ych/-ich	

Примечания: 1. У некоторых местоимений: притяжательных (*mój* ‘мой’ — род. п. ед. ч. м. и ср. р. *mojego* / устар. *meo* и т. д.), указательных *ten* ‘этот’ (далее — от основы *t-*; им. и вин. п. ед. ч. ср. р. *to*, вин. п. ед. ч. ж. р. *te* / разг. *ta*), *tamten* и устар. *ów* ‘тот’, определительных *sam* ‘сам’, *wszystek* ‘весь’, числительного-местоимения *jeden* ‘один’ (формы им. и вин. п. ед. ч. ср. р. *samo*, *wszystko*, *jedno*) и др. 2. Перед окончанием *-i/-y* в основе происходят чередования согласных I ~ II и отчасти II ~ III рядов (*nasz* ‘наш’ — *nasi*, *duży* ‘большой’ — *duzi*).

Числительные

Падеж	‘два’			‘три’	‘четыре’	‘пять’
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.			
Им.	нелично-муж. <i>dwa</i>	<i>dwa</i>	<i>dwie</i>	<i>trzy</i>	<i>cztery</i>	<i>pięć</i>
	лично-муж. <i>dwaj/dwóch/dwu</i>			<i>trzej/trzech</i>	<i>czterej/czterech</i>	<i>pięciu</i>
Род.	<i>dwóch/dwu</i>			<i>trzech</i>	<i>czterech</i>	<i>pięciu</i>
Дат.	<i>dwóm/dwu/dwóm</i>			<i>trzem</i>	<i>czterem</i>	<i>pięciu</i>
Вин.	лично-муж. = род. п. нелично-муж. = им. п.	= им. п.		лично-муж. = род. п. нелично-муж. = им. п.		
Твор.	<i>dwoma/dwoma/dwu</i>			<i>trzema</i>	<i>czterema</i>	<i>pięciu/ pięcioma</i>
Местн.	<i>dwóch/dwu</i>			<i>trzech</i>	<i>czterech</i>	<i>pięciu</i>

Местоимения

Местоимения-существительные

Падеж	1 л.	2 л.	1 л.	2 л.	Возвратное ‘себя’
	Ед. число		Мн. число		
	‘я’	‘ты’	‘мы’	‘вы’	
Им.	<i>ja</i>	<i>ty</i>	<i>my</i>	<i>wy</i>	—
Род.	<i>mnie, mię</i>	<i>ciebie, cię</i>	<i>nas</i>	<i>was</i>	<i>siebie, się</i>
Дат.	<i>mnie, mi</i>	<i>tobie, ci</i>	<i>nam</i>	<i>wam</i>	<i>sobie</i>
Вин.	<i>mnie, mię</i>	<i>ciebie, cię</i>	<i>nas</i>	<i>was</i>	<i>siebie, się</i>

Твор.	<i>mną</i>	<i>tobą</i>	<i>nami</i>	<i>wami</i>	<i>sobą</i>
Местн.	<i>mnie</i>	<i>tobie</i>	<i>nas</i>	<i>was</i>	<i>sobie</i>

Падеж	3 л.				
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	Лично-муж.	Нелично-муж.
	Ед. число			Мн. число	
	‘он’	‘оно’	‘она’	‘они’	
Им.	<i>on</i>	<i>ono</i>	<i>ona</i>	<i>oni</i>	<i>one</i>
Род.	<i>jego/niego, go</i>		<i>jej/niej</i>	<i>ich/nich</i>	
Дат.	<i>jemu/niemu, mu</i>		<i>jej/niej</i>	<i>im/nim</i>	
Вин.	<i>jego/niego, go</i>	<i>je/nie</i>	<i>ją/nią</i>	<i>ich/nich</i>	<i>je/nie</i>
Твор.	<i>nim</i>		<i>nią</i>	<i>nimi</i>	
Местн.	<i>nim</i>		<i>nią</i>	<i>nich</i>	

П р и м е ч а н и я: 1. Полные формы употребляются после предлогов и при эмфазе. 2. Аналогично склоняются местоимения *kto* ‘кто’, *co* ‘что’ (род. п. соответственно *kogo, czego* и т. д.).

Г л а г о л

Полная парадигма глагольной лексемы включает спрягаемые формы действительного и страдательного залога трех наклонений, именные склоняемые формы (глагольное имя, причастия) и неизменяемые неличные (неопределенно-личные) формы прошедшего времени на *-no/-to*, деепричастия и инфинитив. Парадигматические формы, образующиеся либо от основы настоящего времени, либо от основы инфинитива, связаны друг с другом рядами регулярных альтернатив. Каждая модель альтернативы характеризует один из девяти основных глагольных классов и двадцати одного подкласса.

Инфинитив

I	<i>-ować, -ywać/iwać, -ać</i>	VI	<i>-eć</i>
II	<i>-ać</i>	VII	<i>-yć/-ić</i>
III	<i>-eć, -ać, -yć, -ić</i>	VIII	<i>-ać</i>
IV	<i>-nąć, -ść</i>	IX	<i>-eć</i>
V	<i>-ać, -eć, -ść, -c</i>		

Формы от основы настоящего времени

Презентные формы (настоящее время — несовершенный вид, простое будущее время — совершенный вид) распределяются по трем типам спряжения.

	I спряжение <i>paść</i> ‘пасти’, <i>żyć</i> ‘жить’ и др.	II спряжение <i>robić</i> ‘делать’, <i>słyszeć</i> ‘слышать’	III спряжение <i>znać</i> ‘знать’, <i>umieć</i> ‘уметь’
	Ед. число		
1 л.	<i>-ę</i>	<i>-ę</i>	<i>-m</i>
2 л.	<i>-esz</i>	<i>-isz/-ysz</i>	<i>-sz</i>
3 л.	<i>-e</i>	<i>-i</i>	<i>-Ø</i>

	Мн. число		
1 л.	-emy	-imy/-yту	-my
2 л.	-ecie	-icie/-ycie	-cie
3 л.	-ą	-ą	-ą

Примечания: У глаголов III спряжения основа почти во всех презентных формах совпадает с основой инфинитива на гласный; только в формах 3-го л. мн. ч. она получает наращение *-j*, ср. *znają* ‘знают’, *umieją* ‘умеют’. В основе глаголов II спряжения могут наступать чередования отвердевших шипящих и свистящих (альтернантов III ряда) в формах 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. с мягкими шипящими (альтернантами II ряда) в других формах: *nosić* ‘носить’ — *noszę* ‘ношу’, *noszą* ‘носят’, но *nosisz* ‘носишь’, *nosi* ‘носит’; *chodzić* ‘ходить’ — *chodzę* ‘хожу’, *chodzą* ‘ходят’, но *chodzisz* ‘ходишь’, *chodzi* ‘ходит’ и т. д. Разнообразные чередования гласных и согласных в основе происходят у глаголов I спряжения, ср. *pleść* ‘плести’ — *plotę* ‘плету’, *plotą* ‘плетут’, но *pleciesz* ‘плетёшь’, *plecie* ‘плетёт’; *wlec* ‘тащить’ — *wlokę* ‘тащу’, *wloką* ‘тащат’, но *wleciesz* ‘тащишь’, *wleczę* ‘тащит’; *jechać* ‘ехать’ — *jadę* ‘еду’, *jadą* ‘едут’, но *jedziesz* ‘едешь’, *jedzie* ‘едет’ и др.; инфинитивные суффиксы *-owa-*, *-ywa-/iwa-* регулярно чередуются с *-ij-* (*rysować* ‘рисовать’ — 1-е л. ед. ч. *rysuję* ‘рисую’, *pokazywać* ‘показывать’ — 1-е л. ед. ч. *pokazuję* ‘показываю’), у многих глаголов с инфинитивной основой на корневой гласный в исходе основы настоящего времени появляется *-j* (1-е л. ед. ч. *żyję* ‘живу’) и т. д.

Повелительное наклонение

	Ед. число	Мн. число
1 л.	—	<i>-my</i>
2 л.	<i>-Ø</i>	<i>-cie</i>
3 л.	—	—

Примечания: 1. У глаголов III спряжения при образовании форм повелительного наклонения используется основа, выступающая в презентной форме 3-го лица мн. ч. (ср. *czytać* ‘читать’ — наст. вр. 1-е л. ед. ч. *czytam*, 3-е л. мн. ч. *czytają* — повел. накл. 2-е л. ед. ч. *czytaj!*, *rozumieć* ‘понимать’ — наст. вр. 1-е л. ед. ч. *rozumiem*, 3-е л. мн. ч. *rozumieją* — повел. накл. 2-е л. ед. ч. *rozumiej!*), а у глаголов I и II спряжения — основа, выступающая в презентной форме 3-го лица ед. ч. (ср. *brać* ‘брать’ — наст. вр. 1-е л. ед. ч. *biore*, 3-е л. ед. ч. *bierze* — повел. накл. 2-е л. ед. ч. *bierz!*, *prosić* ‘просить’ — наст. вр. 1-е л. ед. ч. *proszę*, 3-е л. ед. ч. *prosi* — повел. накл. 2-е л. ед. ч. *proś!*). 2. При скопления согласных в исходе основы она получает наращение *-ij/-yj* (например: *biec* ‘бежать’ — наст. вр. 3-е л. ед. ч. *biegnie* — повел. накл. 2-е л. ед. ч. *biegnij!*, *trzeć* ‘тереть’ — наст. вр. 3-е л. ед. ч. *trze* — повел. накл. 2-е л. ед. ч. *trzyj!*).

Действительные причастия образуются от основы настоящего времени глаголов несовершенного вида, выступающей в формах 3-го лица мн. ч., суффиксом *-ąc-* и изменяются, как прилагательные. Тем же суффиксом образуются неизменяемые деепричастия со значением одновременности.

Формы от основы инфинитива

Так называемая причастная основа на *-l* образуется суффиксом *-l-* от основы инфинитива на гласный или на корневой согласный; присоединение к ней родовых показателей (включая лично-мужские или нелично-мужские во множественном числе) при образовании причастных форм сопровождается различными чередованиями как в самой основе, так и в суффиксе, ср.: *widzieć* ‘видеть’ — ед. ч.

м. р. *widział*, ж. р. *widziała*, мн. ч. лично-муж. *widzieli*; *wziąć* ‘взять’ — ед. ч. м. р. *wziął*, ж. р. *wzięła*, мн. ч. лично-муж. *wzięli*; *nieść* ‘нести’ — ед. ч. м. р. *niósł*, ж. р. *niosła*, мн. ч. лично-муж. *nieśli*; *umrzeć* ‘умереть’ — ед. ч. м. р. *umartł* и т. д.

Изъявительное наклонение

Формы будущего времени

Аналитические формы будущего времени глаголов несовершенного вида включают личные формы будущего времени глагола *być* ‘быть’ в сочетании либо с причастными формами на *-l* (с соответствующими родовыми показателями), либо с инфинитивом:

			М. р.	Ж. р.	Ср. р.		
Ед. число							
1 л.	<i>będę</i>	+	<i>-l</i>	<i>-la</i>	<i>-lo</i>	инфинитив	
2 л.	<i>będziesz</i>	+					
3 л.	<i>będzie</i>	+					

			Лично-муж.	Нелично-муж.		
Мн. число						
1 л.	<i>będziemy</i>	+	<i>-li</i>	<i>-ły</i>	инфинитив	
2 л.	<i>będziecie</i>	+				
3 л.	<i>będą</i>	+				

Формы прошедшего времени

При образовании форм прошедшего времени причастная основа на *-l* присоединяет родо-числовые показатели и личные окончания прошедшего времени:

	М. р.	Ж. р.	Ср. р.	Лично-муж.	Нелично-муж.
Ед. число			Мн. число		
1 л.	<i>-łem</i>	<i>-łam</i>	—	<i>-liśmy</i>	<i>-łyśmy</i>
2 л.	<i>-leś</i>	<i>-łaś</i>	—	<i>-liście</i>	<i>-łyście</i>
3 л.	<i>-l</i>	<i>-la</i>	<i>-lo</i>	<i>-li</i>	<i>-ły</i>

П р и м е ч а н и я: 1. Личные окончания 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч. могут отрываться от форм на *-l* и присоединяться к другим словам в предложении, чаще всего — к вопросительным словам, союзам и личным местоимениям, например: *Czyśmy się spóźnili?* ‘Мы опоздали?’, *Jakżeś to zrobił?* ‘Как ты это сделал?’, *Jam tego nie chciał* ‘Я этого не хотел’. 2. Особые формы прошедшего времени 1-го и 2-го лица единственного числа среднего рода отсутствуют. При персонификации в художественной речи используется форма мужского или женского рода.

Сослагательное наклонение

Формы сослагательного наклонения образуются от причастной основы на *-l* с родо-числовыми показателями путем присоединения форманта *by* с личными окончаниями прошедшего времени:

	М. р.	Ж. р.	Ср. р.	Лично-муж.	Нелично-муж.
	Ед. число			Мн. число	
1 л.	<i>-bym</i>	<i>-łabym</i>	—	<i>-libyśmy</i>	<i>-łybyśmy</i>
2 л.	<i>-byś</i>	<i>-łabyś</i>	—	<i>-libyście</i>	<i>-łybyście</i>
3 л.	<i>-lby</i>	<i>-łaby</i>	<i>-łoby</i>	<i>-liby</i>	<i>-łyby</i>

П р и м е ч а н и е: Формант *by* с личными окончаниями может отрываться от форм на *-l* и выступать самостоятельно или присоединяться к вопросительным словам, частицам и союзам (в состав союзов *żebym, żebyś, żeby...* ‘чтобы’ и *gdybym, gdybyś, gdyby...* ‘если бы’ он входит неотъемлемой частью), ср: *Co byś zrobił, gdybym umarła?* ‘Что бы ты сделал, если бы я умерла?’

От основы инфинитива образуются также страдательное причастие (суффиксы *-n, -on, -t, -ęt*), глагольное имя (суффиксы с последующими окончаниями существительных ср. р. *-nie, -enie, -cie, -ęcie*) и — только у глаголов совершенного вида — деепричастие предшествования (от основ на гласный суффиксом *-wszy*, от основ на согласный — *-wszy*).

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Строение лексемы, ее морфологическая членимость/нечленимость и структура зависят от частеречной принадлежности. В знаменательных словах (существительных, прилагательных, глаголах, числительных) основными компонентами являются: корень (в сложных словах — два и более, до четырех) и аффиксы: префиксы, суффиксы, а у изменяемых слов также словоизменительные флексии, несущие, как правило, несколько грамматических значений. При парадигматических противопоставлениях выделяются и нулевые флексии: им. п. ед. ч. *dom-Ø* ‘дом’ — род. п. ед. ч. *domu*. В сложных словах возможен словообразовательный интерфикс (например, *-o-* в *pracodawca* ‘работодатель’). Особое место занимают постфиксы, включающиеся в словоформу после словоизменительной флексии: например, показатели неопределенности в местоимениях (*jakiś* ‘какой-то’, *jakiegoś* ‘какого-то’). Большинство аффиксов являются фузионными; только некоторые глагольные аффиксы близки к агглютинирующим: например, в форме *chodziłabym* ‘я бы ходила’ можно вычленить показатели прошедшего времени *-l*, единственного числа и женского рода *-a*, сослагательного наклонения *-by* и 1-го лица единственного числа *-m*. В целом структуру польских изменяемых слов отличает противопоставленность основы слова (в составе корня и возможных словообразовательных и формообразующих префиксов и суффиксов) и словоизменительной флексии.

Суффиксация используется при образовании слов всех знаменательных частей речи, а также в формообразовании: глагольном (*czytany* ‘читаемый/читанный’, *przeczytawszy* ‘прочитав’) или у прилагательных и наречий — при образовании форм сравнительной степени (ср. *ładny* ‘красивый’ — *ładniejszy* ‘более красивый’, *ciekawy* ‘любопытный’ — *ciekawszy* ‘более любопытный’; *ładnie* ‘красиво’ — *ładniej* ‘красивее’, *ciekawie* ‘любопытно’ — *ciekawiej* ‘любопытнее’); формы превосходной степени образуются от них префиксальным способом (*najładniejszy* ‘самый красивый’, *najciekawszy* ‘самый любопытный’; *najładniej* ‘красивее всего’, *najciekawiej* ‘любопытнее всего’). В остальном префиксация широко применяется в глагольном видообразовании (перфективация, способы глагольного действия, ср. *robić* ‘делать’ — *zrobić* ‘сделать’, *siedzieć* ‘сидеть’ — *posiedzieć* ‘посидеть’,

rzucić 'бросать' — *rozrzucić* 'разбрасывать' — *porozrzucić* 'поразбрасывать') и словообразовании, часто в сочетании с суффиксацией (*śnieg* 'снег' — *odśnieżyć* 'очистить от снега'), в словообразовании прилагательных, в меньшей степени — существительных (*nadkwaśność* 'повышенная кислотность').

Соединение корня с суффиксами и суффиксов между собой имеет фузионный характер и нередко проявляется в морфонологических альтернативах разной степени регулярности: *ręka* 'рука' — *rączka* 'ручка', *morze* 'море' — *morski* 'морской', *zaprosić* 'пригласить' — *zapraszać* 'приглашать', см. 2.2.3.

Для неизменяемых служебных слов и некоторых местоимений наиболее типичен морфологически неделимый и самостоятельно функционирующий корень. Исключение составляют вторичные производные образования — предлоги, возникшие из предложно-падежных сочетаний: *wzdłuż* 'вдоль' (префикс *wz-*) и т. п., а также союзы типа *chociaż* 'хотя' и др.

2.5.2. Основные способы словообразования в П.я. — суффиксальный, префиксально-суффиксальный и префиксальный, а также корне- и основосложение, сопровождаемое чаще всего суффиксацией и интерфиксацией: *trójskok* 'тройной прыжок', *językoznawstwo* 'языкознание', *gruboziarnisty* 'крупнозернистый'.

Типы словообразования и их продуктивность избирательно связаны с частями речи: префиксация наблюдается преимущественно у глаголов, а корне- и основосложение — у существительных, прилагательных и числительных.

Парадигматические способы словообразования (адвербиализация, субстантивация, адъективация и т. п.) представляют собой ограничение или переосмысление словоизменительной парадигмы: *mazowiecki*, *-a*, *-e* 'мазовецкий, -ая, -ое' — ср. р. *Mazowieckie* 'Мазовецкое воеводство' (с сохранением старого окончания в твор. и мест. п.: *w Mazowieckiem* 'в Мазовецком воеводстве' при *-im* у прилагательного), *względ* 'взгляд' — *względem* 'относительно' (предлог восходит к форме твор. п. ед. ч. существительного). Иногда к парадигматическому словообразованию относят случаи транспозиции частей речи с формальными изменениями парадигмы типа: существительное *lis* 'лиса' — прилагательное *lisi* 'лисий', прилагательное *biały* 'белый' — глагол *bielić* 'белить'.

В последнее время широкое распространение получили сложносокращенные слова-аббревиатуры: *PAN* — *Polska Akademia Nauk* 'Польская академия наук', *PWN* — *Państwowe Wydawnictwo Naukowe* 'Государственное научное издательство', *UW* — *Uniwersytet Warszawski* 'Варшавский университет'.

2.5.3. Предложения делятся на простые и сложные и классифицируются по цели высказывания и по структурным схемам.

Связь синтаксических единиц может быть сочинительной и подчинительной. Сочинительная связь единиц любого уровня выражается соположением, интонацией, сочинительными союзами. Подчинительная связь между словами выражается формально посредством согласования и управления (беспредложного и предложного) и синтактико-семантически — посредством примыкания. Особые типы взаимозависимости характерны для связи подлежащего со сказуемым и для сочетаний существительных с числительными (*dwie studentki* 'две студентки', *pięć studentek* 'пять студенток', *pięciu studentów* 'пять студентов').

П.я. свойственны два основных типа простых предложений: структура, базирующаяся на личной форме глагола, и структура без нее, что в польской

лингвистической традиции трактуется как различие собственно предложения (польск. *zdanie*) и эквивалента предложения, или сообщения (польск. *oznajmienie*). Исследования схем простого предложения в последнем двадцатилетии XX в. были ориентированы преимущественно на рассмотрение облигаторного семантико-синтаксического распространения предикатов (так называемые аргументно-предикативные структуры), однако разнообразие применяемых критериев до сих пор не позволило выработать единый список минимальных структурных моделей, число которых колеблется от 11 до 26.

Исходя из формального устройства компонентов предложения, основными структурными схемами можно признать следующие:

— имя в именительном падеже + глагол в личной форме: *Janek śpi* 'Янек спит', *Przyszło kilka osób* 'Пришло несколько человек', *Napiszę do Pana* 'Я Вам напишу';

— имя в родительном падеже + глагол в личной форме: *Wody ubywa* 'Воды всё меньше';

— имя в именительном падеже + связка + прилагательное: *Dziecko jest grzeczne* 'Ребёнок послушный/послушен';

— имя в именительном падеже + связка + имя в именительном/творительном падеже: *Janek jest nauczycielem* 'Янек учитель', *Czas to pieniądz* 'Время — деньги';

— имя в именительном падеже + связка + имя в косвенном падеже: *On był słusznego wzrostu* 'Он был высокого роста', *Pudelko jest ze skóry* '(Эта) коробочка — из кожи';

— предлог *z* + имя в родительном падеже + связка + имя в именительном падеже: *Z niego był dobry kolega* 'Он был хорошим другом';

— инфинитив + связка + имя в именительном/творительном падеже: *Iść za postępem to nakaz chwili* 'Идти в ногу с прогрессом — вот требование момента';

— инфинитив + связка + инфинитив: *żyć to pracować* 'Жить — значит работать';

— инфинитив + связка + наречие: *Czytać jest pożyteczne* 'Читать полезно';

— глагол в форме 3-го лица единственного числа + инфинитив: *Wypada zacząć czekać* 'Следует подождать';

— предикатив + инфинитив: *Można to zbadać* 'Это можно изучить', *Czas wracać* 'Пора возвращаться';

— глагол в форме 3-го лица единственного числа: *Grzmi* '(Гром) гремит', *Mdli go* 'Его тошнит';

— имя в именительном падеже: *Cisza* 'Тишина';

— предикатив + связка: *Jest ładnie* 'Красиво', *Późno się robi* 'Становится поздно';

— глагол в форме 3-го лица множественного числа: *Zamykają brame* 'Закрывают ворота';

— глагол в форме 3-го лица + частица *się*: *Uprasza się o ciszę* 'Просят соблюдать тишину';

— глагол в форме на *-no, -to*: *Powiedziano mi o tym* 'Мне об этом сказали';

— инфинитив: *Milczeć!* 'Молчать!'.

Синтаксическую позицию грамматического подлежащего может занимать форма именительного падежа существительного, глагольного имени, местоимения, числительного, а также любой субстантивированной части речи — прилагательного, причастия и т. д. — и инфинитив. Кроме грамматического, традиционно выделяется так называемое логическое подлежащее, соотносимое в семанти-

ческой структуре с субъектом ситуации и выражаемое формой родительного падежа без предлога (*Wody ubywa*) или с предлогом *z* (*Dziwak z siebie* 'Ты чудак').

Позиция сказуемого замещается спрягаемыми формами глагола (личными, неопределенно-личными, обобщенно-личными, безличными), формами связочных и безличных глаголов, инфинитивом, существительными и всеми прочими знаменательными частями речи, включая так называемые предикативы типа *trzeba* 'нужно', *szkoda* 'жаль', *bęс* 'бух' и т. п. Неглагольное сказуемое, как правило, выступает в сочетании со связкой, преимущественно глагольной: *być* 'быть', *zostać* 'стать', *to* 'это' и т. д.

Субъектно-объектные отношения передаются разнообразными беспредложными и предложно-падежными формами именных частей речи. П.я. принадлежит к языкам номинативного типа. При действительном залоге переходного глагола-сказуемого обозначение агенса (в именительном падеже) занимает позицию подлежащего, а обозначение объекта-пациенса — позицию прямого дополнения (преимущественно в форме беспредложного винительного падежа). В пассивной конструкции при глаголе в форме страдательного залога позицию подлежащего занимает объект-пациенс (в именительном падеже), а субъект-агенса представлен предложным косвенным дополнением (предлог *przez* + винительный падеж) (см. 2.3.4., 2.3.5.).

Определения-атрибуты различаются по типу связи и семантически. Определениями, согласованными по роду, числу и падежу, могут быть прилагательные (включая формы степеней сравнения: *Proszę pokazać ciemniejszy szalik/ciemniejszą bluzkę* 'Покажите, пожалуйста, шарф потемнее/блузку потемнее'), родовые местоимения, причастия, числительные (см. 2.3.2.–2.3.4.). В качестве несогласованных определений выступают беспредложные и предложно-падежные формы существительных и глагольных имен, местоимений, а также инфинитив и наречия: *data urodzenia* 'дата рождения', *krawat w paski* 'галстук в полоску', *jajko na twardo* 'яйцо вкрутую', *Nadeszła pora działać* 'Пришла пора действовать'. Особый тип определения (согласование преимущественно в числе и падеже) представляют приложения — аппозитивные субстантивные определения: *rzeka Wisła* 'река Висла', *z moim bratem biologiem* 'с моим братом биологом'. Для приложений и некоторых других типов определений, в частности, выраженных прилагательными и причастиями, отмечается возможное предикативное значение.

Определительно-обстоятельственные отношения выражаются наречиями, беспредложными и предложно-падежными формами существительных, глагольного имени, деепричастиями, местоимениями и включают значения места, времени, способа, меры, цели, причины, уступки, отношения, сопутствующего обстоятельства, условия.

Повествовательные, побудительные и вопросительные предложения в целом базируются на одних и тех же структурных моделях простого предложения, но могут проявлять и некоторые структурные особенности и всегда имеют специализированную интонацию. Для повествовательных предложений характерна нисходящая низкая и ровная низкая интонация (каденция). Вопросительные предложения при обязательной вопросительной интонации (низкая восходящая — антикаденция), как правило, содержат вопросительные местоимения, являющиеся аналогами всех знаменательных частей речи, кроме глагола, или во-

просительные частицы (*czy* и др.) и отличаются некоторыми особенностями словоупотребления (например, инициальной позицией вопросительных слов). Типичными компонентами побудительных предложений являются формы императива или же формы сослагательного наклонения в том же повелительном значении, звательная форма, побудительные частицы (*niech* и др.) и эмфатическая интонация. Побудительным предложениям свойственны также специальные структурные схемы (например, инфинитивные предложения).

Модальная характеристика высказывания грамматически представлена в глагольных категориях наклонения (объективно-модальная оценка реальности/не-реальности). Разнообразная семантика так называемой субъективной модальности факультативна и реализуется главным образом лексическими средствами (модальные глаголы и предикативы, модальные вводные слова-модализаторы, эмфатические частицы типа *że*, *no* и т. п.), интонацией, специализированными синтаксическими конструкциями типа *dativus ethicus* местоимений. Отрицательные предложения оформляются преимущественно с помощью лексических показателей (отрицательными частицами и местоимениями, см. 2.3.6.).

Порядок слов в П.я. свободный, но не произвольный, и определяется рядом разнородных факторов: 1) семантической и синтаксической связанностью слов (взаимосвязанные слова тяготеют друг к другу и позиционно); 2) синтаксической функцией слова в предложении и его частеречной характеристикой (дополнение чаще предшествует обстоятельству); 3) семантикой (квалифицирующее определение стоит после определяемого слова, характеризующее — в препозиции); 4) темо-рематическими отношениями (тема обычно предшествует реме); 5) просодическими закономерностями.

Энклитики — краткие формы личных местоимений, возвратная частица *się*, формант (частица) сослагательного наклонения *by* и «подвижные» личные окончания, усилительные частицы *no* ‘-ка’, *że* ‘же’ и др. — обычно присоединяются к первому логически ударному слову в предложении, например: *Co ci się stało?* ‘Что с тобой случилось?’; *Taki wypoczynek dobrze by ci zrobił* ‘Такой отдых тебе был бы полезен’ (ср. ... *zrobiłby ci dobrze*). Личные окончания форм прошедшего времени часто выносятся в начало предложения и присоединяются к союзу или местоимению: например, *Pamiętam, żeś mi mówił* ‘Я помню, ты мне говорил’. В группе из нескольких энклитик обязательной является такая последовательность: 1) частицы *no*, *że*, 2) «подвижные» личные окончания, в том числе с формантом *by*, 3) форма дательного падежа местоимения, 4) возвратная частица *się*; например: *Zrobił no byś mi się grzeczniejszy!* ‘Вел бы ты себя у меня, наконец, получше!’. Возвратная частица *się* ставится между вспомогательным и основным глаголом, например: *będę się uczył* ‘я буду учиться’, *impreza ma się odbyć...* ‘мероприятие должно состояться...’.

Элементы грамматической функции порядка слов усматриваются лишь в обязательной последовательности SVO при омонимии именительного и винительного падежей (*Byt określa świadomość* ‘Бытие определяет сознание’) и в некоторых аналогичных случаях.

2.5.4. С л о ж н ы е предложения классифицируются по семантике отношений между составными частями и по способу их связи. Сложносочиненные предложения соединяются или бессоюзно, или с помощью различных по семантике

сочинительных союзов. К сложносочиненным традиционно относят также предложения с однородными глагольными сказуемыми при одном и том же субъекте-подлежащем типа *Stalem i patrzyłem* 'Я стоял и смотрел'.

Сложноподчиненные предложения по характеру придаточного подразделяются на два типа: с придаточными, замещающими по существу синтаксические позиции членов главного предложения (придаточные подлежащные, дополнительные, места, причины и т. п.), и с придаточными, распространяющими главное предложение в целом (*Powiedział mi szczerą prawdę, co mnie głęboko wzruszyło* 'Он сказал мне чистую правду, что меня глубоко тронуло'). Особый тип составляют так называемые интенциональные придаточные предложения, обусловленные семантическими особенностями предиката главного (например, ментальных глаголов, глаголов волеизъявления): *Jan wie, że Piotr przyjechał* 'Ян знает, что Пётр приехал', *Jan chce, żeby Piotr przyjechał* 'Ян хочет, чтобы Пётр приехал'. Показателями связи в сложноподчиненных предложениях могут быть союзы, относительные местоимения в функции союзных слов и интонация.

Как самостоятельные предикативные единицы (так называемый эквивалент предложения) в польской лингвистике традиционно рассматриваются распространенные синтаксические конструкции с деепричастиями, которые, обозначая дополнительное действие субъекта, выражают временные, причинные или уступительные значения.

2.6.0. Лексика П.я. состоит в основном из общеславянских по происхождению и собственно польских слов (как по корнеслову, так и по словообразовательным характеристикам). Наибольшее число заимствований в П.я. (народных и книжных) — из латинского, немецкого, чешского, английского, итальянского и французского языков. Разные по времени проникновения, они обнаруживают также неодинаковую степень фонетической и морфологической освоенности (см. 1.6.0.). Наряду с прямыми заимствованиями широко распространены кальки (*listonosz* 'почтальон, письмоносец', ср. нем. *Briefträger*; *nastolatek* 'подросток', ср. англ. *teenager*), семантические заимствования (*cienki* 'тонкий, деликатный', ср. рус. *тонкий намёк*). Заимствования из близкородственных языков (чешского, русского и других восточнославянских) часто выдает лишь звуковой облик, отличающийся от исторически характерного для польских слов или корней (например, у прилагательного *własny* 'собственный', ср. чеш. *vlastní*, вместо исконно польск. *włos(t)ny* и т. п.).

Общелитературные заимствования относятся преимущественно к книжному стилю речи; особенно много их в научной и технической терминологии, меньше — в бытовой лексике. Самые древние заимствования — латинские, проникшие в П.я. с XI в., в том числе через немецкое и чешское посредство: христианская лексика (*anioł* 'ангел', ср. лат. *angelus*; *kościół* 'костёл', ср. лат. *castellum* 'укрепление'; *pacierz* 'молитва', ср. лат. *Pater noster* 'Отче наш'), а позднее, особенно с XVI–XVIII вв., — юридическая и философская терминология. В современной научно-технической терминологии широко используются интернационализмы с латинской, реже — с древнегреческой базой (*telewizja* 'телевидение', *radiofonia* 'радиовещание' и т. п.). Немецкие заимствования (ремесленная, торговая, политико-административная лексика) наиболее активно проникали в XIII–XV вв. (*handel* 'торговля', *ratusz* 'ратуша' и т. д.). Чешское влияние (до

XVI в.) проявлялось прежде всего в заимствовании в чешском звуковом облике некоторых общеславянских корней, а также в посредничестве при заимствовании лексем из латинского и немецкого языков. Итальянские (с XVI–XVII вв.) и французские (с XVII–XVIII вв.) заимствования представлены в лексике, относящейся к кулинарии, одежде, искусству. Современный П.я. характеризуется обилием англицизмов в спортивной, морской терминологии, во всех областях научно-технической сферы, в лексике масс-культуры (*boks* ‘бокс’, *szkuner* ‘шхуна’, *komputer* ‘компьютер’, *menedżer* ‘менеджер’, *xero* ‘ксерокс’, *aerobic* ‘аэробика’ и т. п.).

В диалектах иноязычные заимствования также составляют довольно значительный пласт лексики, во многом не совпадающий с корпусом заимствований в литературном языке. Наиболее многочисленными являются заимствования из немецкого языка на севере Польши (*knap* ‘мальчик’, *rejtować* ‘ехать’), в Силезии (*śrank* ‘шкаф’), а также чешские, венгерские, украинские, белорусские — в южных и восточных приграничных говорах.

2.7.0. В диалектологии П.я. обычно выделяют следующие основные диалектные зоны: Великопольша (Великая Польша), Малопольша (Малая Польша), Силезия, Мазовше. В качестве польской диалектной зоны, хотя и наиболее обособленной, нередко рассматривается также кашубская область (см. 1.2.1.).

В е л и к о п о л ь с к и е диалекты охватывают северо-западную часть польских земель, их граница проходит через Коло — Калиш — Острув-Великопольски — Равич — Бабимост, на юге около Мендзыхода и Кшижа, далее по реке Нотець до Варты. Основные особенности:

1) отсутствие «мазурения», т. е. различие рядов свистящих, мягких шипящих и отвердевших шипящих (*s, ś, ś* и т. д.), как в литературном языке;

2) озвончающий вариант сандхи;

3) дифтонгизация некоторых гласных, в частности, бывших долгих $\bar{a} > \text{a}i, \text{o}i, \text{ó}i$; $\bar{o} > \text{u}y^e, \text{u}y, \text{u}$ и др. (*ptouk*, лит. *ptak* ‘птица’; *vuys*, лит. *wóz* ‘воз’) и начального гласного *o-* $> \text{u}o, \text{u}e$ (*uokuo*, лит. *oko* ‘глаз’; *ue* — предлог ‘о’);

4) в северной части — совпадение звуков *y* и *i* в одном, в центральной части происходит дифтонгизация конечного *y* $> \text{y}^i, \text{y}j$ (*tyj* ‘ты’);

5) носовые гласные всегда сохраняют свою оппозицию и реализуются в более узких и высоких — в сравнении с литературным языком — звуках (*e* как *y*, *o* как *u*), но, как и в литературном языке, перед взрывными «расщепляются» на сочетание гласного и носового согласного (*rynka*, лит. *reka* ‘рука’; *zump*, лит. *zab* ‘зуб’).

Отмечается также тенденция к упрощению групп согласных (*šur* ‘крыса’ в соответствии с лит. *szczur*), обобщение форм без беглого *e* во всей парадигме существительных типа *domk* ‘домик’ (лит. *domek*), наличие флексий с *-ow-* после твердых и *-ew-* после мягких согласных (в частности, в окончании дательного падежа единственного числа существительных мужского рода: *synovi* ‘сыну’, но *kon'evi* ‘коню’ — лит. *synowi, koniowi*), окончание *-ma* в форме 1-го лица множественного числа повелительного наклонения типа *śeżma* ‘давайте сидеть’ (лит. *siedźmy*).

М а л о п о л ь с к и е диалекты распространены в юго-восточной и центральной части Польши с центром в Кракове, охватывают районы Ловича, Лодзи, Люблина, Жешува, Кельце, а на юге, в районе Оравы, выходят на территорию Словакии. Основные особенности:

1) наличие «мазурения», т. е. замена ряда отвердевших шипящих рядом твердых свистящих ($\xi > s$ и т. д., например, *syska* — лит. *szyszka* ‘шишка’);

2) озвончающий вариант сандхи;

3) значительное разнообразие рефлексов носовых гласных как по характеру реализации назальности («расщепление» или синхронное произношение, полная утрата назализации), так и по тембру — вплоть до неразличения рефлексов носовых переднего и непреднего ряда (*zemby* / *za^emby*, лит. *zėby* ‘зубы’; *goś* ‘гусь, гусыня’ и *goska* ‘гусёнок’ — лит. *geś, gąska*);

4) сохранением на большей части территории особого рефлекса бывшего долгого $\bar{a} > \acute{a}$ (*u nās* ‘у нас’ и т. п.).

Типично малопольской чертой является переход конечного *-x* в *-k* (или *-f*): *na nogak* ‘на ногах’ — лит. *na nogach*. Преимущественно в Малопольше отмечается удвоение согласных *s, z* в словах типа *bossa* ‘босиком’. Из морфологических особенностей интересно сохранение аористного по происхождению окончания *-k* (< *-x*) в форме 1-го лица единственного числа прошедшего времени глаголов: *bylek* ‘я был’ (лит. *bylem*), *nosilek* ‘я носил’ (лит. *nosilem*). Наиболее обособлен район Подгалья, где, в частности, отмечается особый вариант «мазурения» — так называемый подгальский архаизм (сохранение мягкости новых свистящих перед гласным *i*: *zīto* ‘рожь’ — лит. *żyto*), а также инициальное ударение.

Мазовецкие диалекты с центром в Варшаве охватывают северо-восточную и центрально-восточную часть Польши и издавна проявляют тенденцию к распространению на запад через Куявы вплоть до севера Великопольши, на север — в Мазуры, Вармию и Коцевье, на северную часть Малопольши. Выделяют ближнее и дальнее Мазовше. Основные особенности:

1) «мазурение» — явление, получившее по этой области свое название;

2) оглушающий вариант сандхи;

3) монофтонгическое произношение гласных (кроме начального *o- > uo-*: *uokno* ‘окно’).

К специфическим мазовецким чертам относится распространенное также в Вармии, на Курпях и на Мазурах асинхронное произношение мягких губных согласных с выделением палатального элемента различного качества, ср. *vjara, vžara, žara* и даже *γara* — лит. *wiara* ‘вера’; *mjasto, mn’asto* — лит. *miasto* ‘город’ (при сохранении на большей части территории конечных мягких губных), отвердение губного в случаях типа *sfyn’a* ‘свинья’ — лит. *świnia* [śf’in’a]; наличие твердого переднеязычного *l* перед *i* (*lyst* ‘письмо’ — лит. *list* [l’ist]), несовпадение рефлекса $\bar{e} > \acute{e}$ (y^e) с *i/y* (*śny^ek* — лит. *śnieg* ‘снег’) при тенденции к совпадению рефлексов \bar{o}, \bar{a} с гласными *u, a*. Из морфологических явлений отмечается: использование окончаний старых форм двойственного числа в презентных глагольных формах множественного числа (*chożiva* ‘мы ходим’, *chożita* ‘вы ходите’); контаминированное окончание дательного падежа единственного числа существительных мужского рода *-ov’u* (из *-u* и *-ovi*) и некоторые другие особенности. Ряд мазовецких черт широко распространен в литературном языке: суффикс существительных *-ak* (*cielak* ‘телёнок’), формы инфинитива на *-ywać/-iwać* (*podskakiwać* ‘подскакивать, подпрыгивать’).

Силезские диалекты представлены на юго-западе Польши, а также в небольшом соседнем ареале на территории Чешской Республики; граница их про-

ходит по линии Сыцув — Люблинец — Тарновске-Горы — Катовице — Бельско-Бяла — Прудник. Различают говоры южной (так называемой Верхней) и северной (Нижней) Силезии, иногда также Центральной. Наиболее устойчивые силезские изоглоссы: широкий гласный [a] на месте *ę* (*v'izę tę gęś* 'я вижу эту гусыню' — лит. *widzę tę gęś*) при наиболее распространенном узком произношении непосредственного носового гласного: *v'osk'i/vuski* 'узкий', *p'oty/p'oty* 'пятый' (лит. *wąski, piąty*). В северо-западной Силезии в носовые гласные изменяются сочетания гласных с конечными носовыми согласными: *potę* 'потом' (лит. *potem*), *vę* 'я знаю' (лит. *wiem*). Наличие «мазурения» на севере и его отсутствие на юге отграничивает силезские говоры от соседних великопольских и малопольских. Специфическим является яблонковский говор, демонстрирующий совпадение не отвердевших старых шипящих с новыми (*ś, ś > ś* и т. д.). Характерны окончания глагольных форм прошедшего времени 1-го лица единственного числа *-k* (из *-x*) и 1-го лица множественного числа *-xmy*: *bylek* 'я был' и *bylixmy* 'мы были' (лит. *byłem, byliśmy*). В последнее время ширится движение за придание силезскому диалекту статуса самостоятельного языка особого силезского народа (в ходе последней переписи населения 2002 г. силезцами себя назвали 173 тыс. чел., по оценкам же число лиц, сознающих себя силезцами, достигает миллиона).

О кашубских диалектах см. статью «Кашубский язык» в наст. издании.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьева Н. Е. История и диалектология польского языка. М., 1994.
- Лер-Сплавинский Т. Польский язык. М., 1954.
- Мацюсович Я. В. Морфологический строй современного польского литературного языка. Л., 1975–1976, ч. 1–2.
- Посвянская А. С. Польский язык // Славянские языки. М., 1977.
- Селищев А. М. Славянское языкознание. М., 1941.
- Тихомирова Т. С. Курс польского языка. М., 1988.
- Benni T. Fonetyka opisowa języka polskiego z obrazami głosek polskich podług Abińskiego. 3. wyd. Wrocław, 1959.
- Buttler D., Kurkowska H., Satkiewicz H. Kultura języka polskiego. Zagadnienia poprawności gramatycznej. Warszawa, 1973, t. I.
- Buttler D., Kurkowska H., Satkiewicz H. Kultura języka polskiego. Zagadnienia poprawności leksykalnej. Słownictwo rodzime. Warszawa, 1982, t. II.
- Dejna K. Dialekty polskie. Wrocław, 1973.
- Długosz-Kurczabowa R., Dubisz St. Gramatyka historyczna języka polskiego. I. Pochodzenie. Fonetyka. Fonologia. Warszawa, 1993.
- Dłuska M. Prosodia języka polskiego. Kraków, 1947.
- Doroszewski W. Podstawy gramatyki polskiej. Warszawa, 1963, cz. 1.
- Furdal A. Klasyfikacja odmian współczesnego języka polskiego. Wrocław, 1973.
- Gramatyka współczesnego języka polskiego. Fonetyka i fonologia / Pod red. H. Wróbla. Kraków, 1995.
- Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia / Pod red. R. Grzegorzczkovej, R. Laszkowskiego, H. Wróbla. 2. wyd. Warszawa, 1998.
- Gramatyka współczesnego języka polskiego: Składnia / Pod red. Z. Topolińskiej. Warszawa, 1984.
- Grzegorzczkowska R. Zarys słowotwórstwa polskiego. Warszawa, 1979.
- Grzegorzczkowska R. Wykłady ze składni polskiej. Warszawa, 1998.
- Jassem W. Akcent języka polskiego. Wrocław, 1962.
- Język polski poza granicami kraju / Pod red. St. Dubisza. Warszawa, 1997.
- Jodłowski St. Podstawy polskiej składni. Warszawa, 1976.

- Klebanowska B.* Interpretacja fonologiczna zjawisk fonetycznych w języku polskim. Warszawa, 1990.
- Klemensiewicz Z.* Historia języka polskiego. 2. wyd. Warszawa, 1974.
- Klemensiewicz Z.* O różnych odmianach współczesnej polszczyzny // W kręgu języka literackiego i artystycznego. Warszawa, 1961.
- Klemensiewicz Z.* Zarys składni polskiej. 6. wyd. Warszawa, 1969.
- Klemensiewicz Z., Lehr-Splawiński T., Urbańczyk St.* Gramatyka historyczna języka polskiego. 3. wyd. Warszawa, 1965.
- Kurkowska H., Skorupka St.* Stylistyka polska. Warszawa, 1959.
- Laskowski R.* Studia nad morfonologią współczesnego języka polskiego. Wrocław, 1975.
- Lubaś W.* Społeczne uwarunkowanie współczesnej polszczyzny: Szkice socjolingwistyczne. Kraków, 1979.
- Mańczak W.* Polska fonetyka i morfologia historyczna. Warszawa, 1983.
- Nagórko A.* Zarys gramatyki polskiej. Warszawa, 1998.
- Nitsch K.* Dialekty języka polskiego. 3. wyd. Wrocław, 1957.
- Nitsch K.* Wybór polskich tekstów gwarowych. 2. wyd. Warszawa, 1960.
- Ostaszewska D., Tambor J.* Fonetyka i fonologia współczesnego języka polskiego. Warszawa, 2002.
- Polszczyzna 2000 /* Pod red. W. Pisarka. Kraków, 1999.
- Rospond St.* Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1971.
- Saloni Z., Swidziński M.* Składnia współczesnego języka polskiego. 4. wyd., uzup. Warszawa, 1999.
- Stieber Z.* Historyczna i współczesna fonologia języka polskiego. Warszawa, 1966.
- Skubalanka T.* Historyczna stylistyka języka polskiego. Wrocław, 1984.
- Smółkowa T.* Neologizmy we współczesnej leksyce polskiej. Kraków, 2001
- Tokarski J.* Czasowniki polskie. Warszawa, 1951.
- Tokarski J.* Fleksja polska. Warszawa, 1973.
- Urbańczyk St.* Zarys dialektologii polskiej. Warszawa, 1953.
- Wierzchowska B.* Fonetyka i fonologia języka polskiego. Wrocław, 1980.
- Wilkoń A.* Typologia odmian językowych współczesnej polszczyzny. Katowice, 1987.
- С л о в а р и и э н ц и к л о п е д и и
Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь. Варшава; М., 1983, т. 1–2.
- Мирович А., Дулевич И., Грек-Пабус И., Марыняк И.* Большой русско-польский словарь. М.; Варшава, 1970, т. 1–2.
- Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. 3. wyd. Warszawa, 1974.
- Encyklopedia języka polskiego /* Pod red. St. Urbańczyka. Wrocław, 1991.
- Kurcz I., Lewicki A. M., Sambor J., Szafran K., Worończak J.* Słownik frekwencyjny polszczyzny współczesnej. Kraków, 1990.
- Nowy słownik poprawnej polszczyzny PWN /* Pod red. A. Markowskiego. Warszawa, 2000.
- Podracki J.* Słownik interpunkcyjny języka polskiego. Warszawa, 1993.
- Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952.
- Słownik gwar polskich.* Wrocław; Kraków, 1974–1998, t. I [pod kier. M. Karasia], t. II–V [pod kier. J. Rejchana i St. Urbańczyka].
- Słownik języka polskiego /* Pod red. W. Doroszewskiego. Warszawa, 1958–1969, t. 1–11.
- Słownik polszczyzny XVI wieku /* Pod red. M. R. Maýenowej. Wrocław, 1966– [продолжающееся издание].
- Słownik poprawnej polszczyzny /* Pod red. W. Doroszewskiego i H. Kurkowskiej. Warszawa, 1973.
- Słownik staropolski /* Pod red. St. Urbańczyka. Wrocław, 1953– [продолжающееся издание].
- Słownik wymowy polskiej /* Pod red. M. Karasia i M. Madejowej. Warszawa; Kraków, 1977.
- Współczesny język polski //* Encyklopedia kultury polskiej XX wieku. Wrocław, 1993.
- А т л а с ы
Mały atlas gwar polskich. Wrocław, 1957–1970, t. I–II [pod kier. K. Nitscha], t. III–XIII [pod kier. M. Karasia].

